DISCIPLES
RENAISSANCE
III
ЮЛИЯ НАБОКОВА
ЗАКЛЯТЬЕ ЗВЕРЯ

Юлия Набокова

Заклятье зверя

Серия «Disciples», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607615
Заклятье зверя / Юлия Набокова: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065650-9, 978-5-271-26961-5

Аннотация

Они не должны были встретиться, но падение звезды Иноэль внесло поправку в их судьбы. И теперь Вернер, молодой, амбициозный ученик мага должен сопровождать красавицу Ивонну в ее долгом странствии домой. Леса Невендаара кишат разбойниками, по дорогам рыщут орки. Некроманты только и ждут, чтобы заманить их в ловушку. Против них зеленокожие и вампиры, демоны и сами инквизиторы. Кто придет путникам на помощь, когда силы будут неравны, а враг неуязвим? Как остановить действие чар, которые постепенно превращают Вернера в зверя? И что ждет их за поворотом? Ведь с каждым днем опасностей только прибавляется…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Юлия Набокова
Заклятье зверя

Пролог

Синее безоблачное небо Невендаара уже тронул румянец заката. Не разбирая дороги, по нехоженым тропам густого тенистого леса мчался молодой волк. Высокая трава хлестала бока. Сильные мышцы перекатывались под серой шерстью, в открытой пасти виднелись острые клыки. Птицы и мелкое зверье, почуяв приближение хищника, спешили укрыться. Но волку было не до охоты: он бежал прочь, подальше от леса с его густой листвой, с его заливистым пением птиц, с его волнующими запахами живности.

Выскочив из леса, волк стремглав пронесся по полю к яблоневому саду почти у самых крепостных стен. Появляться здесь было опасно: повсюду сновали люди. Но сегодня ему повезло: вокруг не было ни души. Лишь у самых ворот человеческого жилища вилась пыль, словно внутрь только что въехал целый отряд всадников.

Волк скользнул в яблоневый сад, промчался по знакомой ему тропинке и остановился на пригорке у кряжистого дерева, ветви которого сгибались под тяжестью спелых плодов. Отсюда был хорошо виден большой балкон дома, стоявшего за высокой каменной стеной. И на этот балкон на закате солнца часто выходила необычайной красоты девушка. Тогда волк замирал в тени яблони и, часами оставаясь неподвижным, мог следить за Солнечной, так он ее называл за золотистый, как утреннее сияние, цвет волос.

Зверь и сам не знал, зачем сюда приходит. Словно какая-то непреодолимая сила влекла его к Солнечной. Стоило не увидеть ее хотя бы день, как волк терял покой и начинал хандрить. Вид Солнечной приносил ему радость и тепло, такое же, какое дарила волку волчица. Но если волчица согревала ему тело, то Солнечная грела душу. Зверь не задумывался, почему так происходит. Просто чувствовал, что наблюдать за Солнечной для него так же жизненно важно, как дышать, пить, есть, охотиться. И прогулка в яблоневую рощу превратилась для него в ритуал, который он исполнял изо дня в день.

Сегодня ему повезло. Солнечная уже была на балконе. Она прохаживалась вдоль перил, и ее тонкая, гибкая фигура, озаренная закатным светом, казалась такой хрупкой и беззащитной, что у зверя защемило сердце. Вдруг она остановилась, повернулась к дому лицом, будто бы прислушиваясь к чему-то. Волк нахмурился: рядом с Солнечной появился высокий человек в стальных пластинах. Это не понравилось волку. В Стальном чувствовалась угроза. Да и Солнечная явно не обрадовалась гостю. Своим зорким зрением хищника зверь увидел, как напряглось ее лицо. Стальной заговорил, Солнечная огрызнулась. Зверь досадливо тряхнул головой: дом был слишком далеко, чтобы он мог услышать, о чем говорят люди. Оставалось только наблюдать за тем, как Стальной надвигается на Солнечную, а та отступает к краю балкона.

Волк заскулил от бессилия и, вскочив на ноги, в тревоге заметался по пригорку. Ему хотелось защитить Солнечную от Стального человека, прогнать его далеко-далеко, чтобы больше никогда не возвращался, не причинял Солнечной горя. И это желание было таким сильным, таким естественным, словно защищать Солнечную было его предназначением, словно в прошлой жизни он уже служил ей – верно и преданно.

Внезапно Стальной отшатнулся и как будто переспросил. Солнечная гневно ответила ему. Стальной широко раскрыл рот и сделался похожим на каркающего ворона. Солнечная побледнела и что-то выкрикнула.

– Ты не посмеешь! – донес ветер ее слова.

Волк не понял смысла человеческой речи, но его сердце заныло от боли, которую он почувствовал в звонком, как журчание лесного родника, голосе Солнечной.

– А кто меня остановит? – хрипло раскаркался в ответ Стальной.

И этого волк уже стерпеть не мог. Он поднял голову к небу, на котором медленно умирало солнце, и завыл. Протяжно. Звучно. Долго. Сначала в его вое излилось утешение, которое он хотел донести до Солнечной, а затем отчетливо зазвучала угроза Стальному. Злой человек не смеет обижать Солнечную. Волк ему этого не позволит.

Когда зверь замолчал и взглянул на дом за каменной стеной, Стальной уже исчез. Солнечная стояла на краю балкона, вцепившись пальцами в перила, и до боли вглядывалась вдаль. Тщетно. Для ее человеческого взора расстояние слишком велико, чтобы увидеть волка. А вот волк своим звериным чутьем почуял опасность прежде, чем ворота крепости открылись, опустился подъемный мост и на дорогу выехал вооруженный отряд охотников во главе со Стальным.

Волк уже не слышал задиристых криков Стального, знаменующих начало травли. Он торопился в лес, в свое надежное укрытие под поваленной сосной, где его уже ждет, тревожась, волчица. Солнечной сегодня уже ничто не угрожает. А ему надо беречь себя. Ради волчицы и будущих волчат.

Вслед ему несся звук охотничьего рога.

Глава 1
Знамение

Дом тетушки Нильды не шел ни в какое сравнение с замком отца Ивонны. Приземистое двухэтажное здание с красной черепицей, стенами из серого камня и простыми квадратными окнами не могло соперничать с изысканной красотой белоснежного замка, с его устремленными в небо узкими башнями и стрельчатыми высокими окнами. Не отличалось роскошью и внутреннее убранство комнат и залов. Хотя тетушка всеми силами благоустраивала дом, украшала его гобеленами и ткаными коврами, все же ее муж значительно уступал в достатке богатейшему дворянину Левенделла, за которого вышла замуж младшая сестра Нильды. Однако племянница Ивонна любила гостить здесь каждый год. Не отличавшийся изяществом дом тетушки был для нее уютным и благодатным уголком, в котором всегда царила гармония и ключом била жизнь.

Дом тетушки Нильды оживал с рассветом. Стоило первым солнечным лучам коснуться красной черепичной крыши, скатиться вниз и пробраться внутрь через начищенные до блеска стекла, как дом пробуждался. И вот уже трубой гудел, отражаясь от гулких каменных стен, энергичный голос тетушки, распределявшей работу на день, затем внутренний дворик наводнялся прислугой, торопившейся исполнить многочисленные поручения своей строгой хозяйки. Звенела посуда на кухне, раздавался стук топора на заднем дворе, топали по каменным ступеням и деревянным подмосткам шаги господ и их работников.

Ивонна отдыхала здесь душой. С той поры, как умерла ее мать Элисса, сестра Нильды, девушка находила утешение в беседах с тетушкой. Тетушка была мудрой, доброй, отзывчивой хохотушкой, что не мешало ей держать в строгости всю немалую прислугу. «Сурова, но справедлива», – шептались о ней слуги. Нильда была нетерпима к лености и лжи, но работящих честных крестьян щедро одаривала и всячески поощряла. Случись свадьба – Нильда и крестьянский пир не погнушается посетить да подарков богатых принесет. Случись беда – оплатит услуги лучших целителей и монахинь. Ничего удивительного, что в доме у Нильды всегда полный порядок. Двор выметен, полы намыты до блеска, подвалы полны провианта, замки смазаны, лошади подкованы.

– Для того, чтобы все было должным образом сделано, нужен глаз да глаз, – поучала Нильда племянницу, совершая ежедневный обход дома и попутно то отчитывая прачку за недостаточно прилежно выстиранную скатерть, то хваля пряху за новый гобелен, то утверждая с поварихой меню на обед и ужин.

– Надеюсь, и я со временем научусь так управляться с хозяйством, – застенчиво призналась Ивонна. – И папе не придется за меня краснеть, а Дамарис будет гордиться, что у него такая толковая жена.

– Научишься! – махнула рукой Нильда. – Наука это нехитрая. Главное – держать их вот где! – Тетушка красноречиво сжала крепкий кулак. – А Дамарис твой уже гордиться должен. Такие красавицы, чай, не всякому в жены достаются.

Ивонна стыдливо зарделась, и Нильда с улыбкой взглянула на племянницу. У нее самой трое сыновей, а дочери Всевышний не дал. Так что Ивонна ей как дочь. И на мать покойную, на сестру Нильды, диво как похожа. Тот же мечтательный взгляд синих глаз, те же по-эльфийски утонченные черты лица, те же мягкие золотистые локоны, тот же тонкий стан, тот же тихий журчащий голос. Полная противоположность ей, Нильде! Вот ведь как бывает – от одних родителей рождены, только сестра Эллиса – небесное создание, все в облаках витала, а сама Нильда твердо на земле стоит и характером настырная, любого гнома переспорит. А уж про внешность что говорить?

Нильда и ростом ниже, и телом шире, и лицом попроще, и волосом жестче, и голосом грубее. А ничего, нашла себе мужа, который в ней души не чает, и трех сыновей родила да выкормила – не развалилась. А Эллиса едва Ивонну выносила, потом болела целый год – девочка у нянек на руках росла. А уж вторая беременность сестру и вовсе подкосила – скончалась, сердечная, в родах. Ребеночка не спасли, и одиннадцатилетняя Ивонна сиротой осталась. Казалось, только недавно это было, а посчитать – уже шесть лет прошло. Вон какая невеста выросла – и собой хороша, и воспитана, и характером мягкая, уступчивая, слова грубого от нее никогда не услышишь. Ох, повьют из нее слуги веревки, пользуясь ее добротой!

– Главное, спуску никому не давать, – повторила Нильда, тряхнув кулаком. – И с первых же дней поставить себя в доме хозяйкой. Хозяйство-то у Дамариса большое?

– Большое, – вздохнула Ивонна.

– Да уж побольше вашего будет, – усмехнулась Нильда, – раз он племянником инквизитору приходится.

– И за что ты так инквизицию не любишь? – В голосе племянницы прозвучал мягкий укор.

– А за что мне ее любить? – громко возразила Нильда. – Вечно что-то разведывают, вынюхивают, науськивают, замышляют. И недели не пройдет, как очередной отряд инквизиции скачет. Всех накорми, напои, приветь, а они возьмут да и лучшую мою пряху ведьмой объявят и с собой заберут! Уж сколько они у меня искусных девок и мастеровых мужиков перетаскали! А сколько я еще отбила, золотом откупившись!

– А пряха правда была ведьмой? – Синие глаза Ивонны в испуге раскрылись.

– Да будь она хоть нежитью, их-то какое дело? – сердито откликнулась Нильда. – Она ж у меня в замке живет, никого не трогает. Ах, какие Беттина гобелены ткала, – она сокрушенно покачала головой, – другой такой мастерицы во всей Империи не сыскать.

Ивонна в задумчивости накрутила на палец локон, выбившийся из высокой прически. С тетушкой никогда не поймешь, правду она говорит или шутит. И девушка еще не решила, как относиться к постоянным нападкам Нильды на священную инквизицию. Дамарис гордился своим родством с инквизитором, часто говорил о том, какую важную службу несет его дядя, как инквизиция заботится о благополучии жителей Империи.

В рассказах Дамариса ведьмы, которых ловили инквизиторские охотники, были жестокими и опасными старухами, разбивавшими семьи, наводившими порчу на детей и вызывавшими засуху ради собственной потехи. Пряху же, о которой говорила Нильда, Ивонна знала. Она была молчаливой и услужливой девушкой, старше самой Ивонны года на три.

Ивонна любила наблюдать за ее работой, следить за тем, как на глазах рождаются сложные плетеные узоры. А Беттина терпеливо учила ее своему мастерству, когда Ивонна проявляла к нему интерес. Сложно было поверить в то, что эта милая безобидная с виду девушка с робкой улыбкой – опасная ведьма, способная наводить порчу и нести людям вред. Надо будет поподробнее расспросить Дамариса о ведьмах и инквизиторах, решила Ивонна. Заодно и о дядюшке Себастьяне разузнать.

Прежде Ивонна особенно не интересовалась этим родством, но сейчас, когда вопрос о свадьбе уже решен, ее вдруг встревожило отношение любимой тетушки Нильды к инквизиции, и особенно взволновал рассказ о Беттине. Не хватало еще, чтобы из-за родства с Дамарисом между ней и тетушкой возник раздор.

Нильда тем временем молча любовалась племянницей. А жениху повезло, что и говорить. Второй такой красавицы во всех северных землях не найти. Если только в столице поискать! Старший сын Таусенд, который служит в войсках императора, рассказывал, что дамы в столице носят богатые наряды и сложные прически, каждая из которых имеет свое название – «лесной луг», «замок», «водопад мерфолков», «эльфийский лес». Зато Ивонна и

безо всяких «ласточкиных гнезд» на голове хороша. А когда распускает на ночь свои длинные шелковистые локоны – это прелестнее каких-то там «водопадов мерфолков».

– Ну что, – спохватилась Нильда, – пора уже об обеде позаботиться. Ты со мной на кухню? Или опять в сад?

Тетушка лукаво взглянула на племянницу. Ивонна не любила заходить на кухню – ее нежная кожа моментально краснела от тамошнего жара, а уж при виде тушки зайца на разделочном столе девушка и вовсе могла упасть в обморок. Зато в небольшом садике с розами и цветущими деревьями Ивонна могла провести весь день. От палящего солнца она укрывалась в беседке и там с книгой в руках могла просидеть до самого заката.

Сейчас девушка замешкалась. С одной стороны, было бы правильным отправиться вместе с тетушкой, набраться опыта в ведении хозяйства, лишний раз посмотреть, как Нильда беседует с поварихой и распекает поварят. С другой стороны, Ивонна мечтала побыстрее очутиться в беседке в окружении розовых кустов и продолжить чтение романа о приключениях доблестного рыцаря Торвальда. Вчера книгу пришлось отложить на самом интересном месте – Торвальд полюбил спасенную им даму Донателлу, и Ивонне не терпелось узнать, как пройдет новая встреча героев и добьется ли рыцарь взаимности.

Видя, что племянница колеблется, Нильда с улыбкой махнула рукой:

– Иди уж, мечтательница. Без тебя как-нибудь справлюсь.

Проводив девушку взглядом, хозяйка покачала головой. Хотя Ивонна рано лишилась матери, ее мечтательный характер она унаследовала в полной мере. Та же любовь к выдуманным историям, которых сама Нильда никогда не понимала, та же неприспособленность к жизни. Виданное ли дело – в обморок бухаться при виде курицы с отрубленной головой, которая еще несколько мгновений продолжает бегать по двору? Поди, не на облаке живем, не маковой росой питаемся.

Но в то же время, мягко журя племянницу про себя, Нильда ее по-матерински жалела. Успеет еще девочка повзрослеть, стать жестче к людям, равнодушно смотреть на убитую к обеду курицу. Жизнь – лучший учитель. И взрослеть ей придется уже скоро: свадьба – дело решенное, приготовления начаты. Жених, хоть и родственник инквизитора, по словам Корнелия, юноша достойный. А уж Корнелий свою единственную дочь абы кому отдать не решится! Раз уж одобрил Дамариса в мужья, значит, проверил его вдоль и поперек и не сомневается ни в его доблести и честных помыслах, ни в любви к Ивонне. Да и Ивонне жених по сердцу.

Хоть Нильда и не видела в племяннице пламенной любви, от которой горят глаза и особым сиянием озаряется лицо, но чувствовала уважение, доверие и симпатию Ивонны к жениху. А на этой основе часто рождаются самые крепкие чувства. Так что в счастливом будущем Ивонны Нильда не сомневалась. И в то же время не могла не тосковать, сознавая, что это последний приезд к ней племянницы. Потом у Ивонны с Дамарисом пойдут дети (помоги Всевышний, чтобы племянница оказалась крепче здоровьем, чем ее мать), и длительные поездки к тетушке в окрестности Меласема станут попросту невозможны для замужней дамы и матери. Теперь, чтобы увидеть Ивонну, Нильде придется ехать на другой край Империи, в Левенделл. А как бросишь хозяйство? Путь неблизкий, а за прислугой каждый день нужен глаз да глаз. Да и возраст уже дает о себе знать – куда уж ей в долгие путешествия отправляться? Но ничего, Нильда смахнула набежавшую слезинку – никому нельзя показывать своей слабости, особенно слугам, которые снуют туда-сюда по двору, выполняя ее поручения. Ивонна пробудет у нее еще месяц, за это время у Нильды будет еще уйма возможностей наговориться с ней, посекретничать, передать свой жизненный опыт, подготовить девочку к замужеству. На Корнелия-то что полагаться? Лучше матери никто не объяснит дочке женских секретов. А раз уж Элиссы нет на свете, то эта деликатная задача ложится на плечи Нильды. Опыта таких разговоров у Нильды нет – у нее одни сыновья, с

ними пусть отец беседует! Но ничего, она что-нибудь придумает. Главное – выбрать подходящий момент. А уж за оставшийся месяц удобный случай как-нибудь да подвернется. А пока надо думать о насущном. Ужин!

И Нильда поспешила по делам, решая, какому блюду отдать предпочтение – рагу из зайца или утке на вертеле.

Этот день обещал быть точно таким же, как множество остальных. Ни Нильда, ни Ивонна, устроившаяся в беседке с томом рыцарского романа, и представить не могли, что уже ночью их жизнь перевернется и им придется расстаться на месяц раньше запланированного срока.

Рагу из зайца удалось на славу. За столом по традиции собрались все обитатели дома. Тетушка Нильда, ее муж Томаш, младший сын Кельвин, слишком юный и для имперской службы, как старший сын Таусенд, и для женитьбы, как средний, Брайдон, а также гостившая Ивонна.

День закончился, и, налегая на сочное жаркое, домочадцы наперебой делились новостями. Отец с сыном хвастались охотничьими трофеями – им удалось затравить большого волка, который намедни задрал одну из служанок, пошедших в лес по грибы. Девушки, которым повезло спастись, с содроганием подтвердили, что это тот самый волк, так что теперь обитателям замка нечего было бояться. Нильда сообщила о беременности прачки – вскоре ей придется подыскивать замену. Мужчины бурно обсудили кандидата на роль папаши, но так и не пришли к единому мнению. Отец утверждал, что здесь не обошлось без плотника – у любвеобильного молодчика подрастало уже пятеро детишек от разных матерей, а сын настаивал, что прачка понесла от кого-то из имперских асассинов, когда Таусенд с дружиной гостил пару ночей в родном доме.

– Уж лучше от асассина, чем от инквизитора, – вставила свое словечко Нильда.

Молчала только Ивонна. Она переживала из-за того, что Донателла оказалась обрученной с другим и не могла остаться с рыцарем Торвальдом. Разлученные герои книги мучились, а Ивонна страдала наяву. Даже рагу из зайца показалось ей пресным и безвкусным. Как тут насладиться едой, когда у Торвальда, на месте которого она, читая книгу, представляла Дамариса, и у Донателлы, в роли которой она видела саму себя, такая трагедия?

– Ивонна, а ты что, девочка? – Нильда заметила состояние племянницы и встревожилась. – Не приболела ли?

– Что-то мне нездоровится, – ухватилась за эту версию Ивонна. – Можно, я пойду прилягу?

Хотя световой день закончился, запершись в своей комнате, можно зажечь свечу и читать книгу дальше. Ивонна точно знала, что не заснет, переживая за героев. Но у нее оставалась надежда, что на следующих страницах книги их печальная судьба изменится к лучшему.

– Конечно, иди, отдыхай! – засуетилась Нильда. – А ведь и не поела толком… – с беспокойством вздохнула она, когда девушка, взяв подсвечник, вышла из обеденного зала. – Как птичка поклевала.

– Наша Ивонна питается ароматом роз и лунным светом, – мягко пошутил над кузиной Кельвин. – Наша пища не для нее.

Домочадцы обсудили оставшиеся новости – об орках, которых видели в окрестностях, о недавней стычке между имперцами и нежитью неподалеку. Когда закончили трапезу и поднялись из-за стола, за окном уже совсем стемнело. Нильда проследила за тем, чтобы слуги убрали всю посуду со стола. Муж и сын помогли погасить настенные факелы и камин. Зал погрузился в темноту, нарушаемую только мерцанием свечей в переносных подсвечниках,

которые взял со стола каждый из домочадцев. Медленно, стараясь не погасить трепещущее пламя, они двинулись к выходу.

Томаш с сыном уже вышли в коридор, когда Нильда замешкалась на пороге, дабы последний раз обвести подсвечником зал и проверить, не укрылось ли что от ее зоркого взгляда. Однажды нерадивая служанка забыла на столе кусок сыра, и наутро в зале невозможно было завтракать – стол был измазан мышиным пометом, а от головки сыра осталась одна веревочка. Служанке тогда здорово влетело, но и себя Нильда корила, что недосмотрела. Сейчас все было в полном порядке. Нильде не в чем было себя упрекнуть.

– Скоро ты там? – поторопил ее муж.

– Уже иду.

Нильда сделала шаг назад и уже собиралась притворить дверь, как вдруг случилось невероятное. Пол покачнулся, посуда, аккуратно расставленная в комоде, задребезжала, издалека донесся гул, словно армия гномов стремительно приближалась к дому, и в следующий миг трапезную озарило, как полуденным солнцем.

Не сговариваясь, домочадцы перескочили через порог и помчались к окнам. Засыпающий дом тем временем наполнился возгласами и криками прислуги.

– Что это?

– Что происходит?

– Караул! Горим! – неслось на разные голоса.

– Вы это видите? – взволнованно пробормотала Нильда, высоко задрав голову и глядя на небосклон, на котором творилось что-то непонятное.

Казалось, в чернильно-темном небе распустился алмазно-белый цветок, и теперь, оторвавшись от стебля, он стремительно приближался к земле, озаряя своим ослепительным светом всю спящую Империю.

– Это солнце? – испуганно вскрикнул Томаш, вцепившись жене в плечи.

– Кажется, это звезда, – завороженно отозвался Кельвин, не в силах отвести взгляда от чудесного зрелища.

Лучистая и мерцающая звезда промчалась перед их взором и устремилась на восток, скрывшись за верхушкими леса, темнеющего на горизонте. В небе еще раз полыхнуло, земля отозвалась громким стоном. За спиной домочадцев что-то надрывно звякнуло. Это тарелка упала из комода и разбилась вдребезги.

Нильда в тревоге кинулась подбирать осколки и порезалась.

– Оставь, – дрожащим от волнения голосом произнес Томаш, – я позову слуг.

Кельвин молча протянул платок.

– Не к добру, – пробормотала Нильда, перетягивая порез.

И в этот миг мерцание, которое еще озаряло небосклон, окончательно померкло. Зал погрузился в непроницаемый бездонный мрак, не освещенный даже пламенем свечей – они потухли еще тогда, когда, взволнованные необычным видением, домочадцы бросились к окнам. В суматохе пламя погасло, подсвечники были брошены куда попало. В кромешной тьме их уже и не найдешь! Нильда нащупала руку мужа и дрогнувшим голосом прошептала:

– Это все не к добру.

Ее шепот громом прокатился по пустому залу. Кельвин в темноте наступил на осколок тарелки, и под ногами захрустела стеклянная крошка. Нильде было слышно, как бешено колотится сердце мужа. Томаш никогда не отличался особой храбростью. Но сейчас и ее собственное сердце билось ничуть не тише. Произошло что-то невероятное, необыкновенное, сулившее значительные перемены, навсегда изменившее жизнь не только их семьи, но и всей Империи.

Домочадцы на ощупь двинулись к выходу. Они проделали только половину пути, когда в коридоре зазвучали взволнованные голоса, двери распахнулись, и на пороге возникла Ивонна с подсвечником в руках. За ее спиной толпились слуги.

– Тетушка, дядюшка, кузен! – с облегчением выдохнула она. – Вы в порядке?

– Мама тяжело ранена, – в шутку брякнул Кельвин.

– Как?! – ахнула Ивонна, подавшись к ним.

Слуги встревоженно загалдели. Кельвин перехватил у кузины опасно накренившийся подсвечник, дав ей возможность обнять тетушку обеими руками.

– Что ты слушаешь этого прохвоста, – пробормотала растроганная Нильда. – Я всего лишь порезалась о разбитую тарелку.

Ивонна огляделась, увидела осколки и удрученно сказала:

– Мой подарок…

«В самом деле, – подумала Нильда, – я и не сообразила, что это та самая тарелка, которую мне подарила Ивонна, когда приехала сюда».

«Не к добру», – тревожно забилось сердце. «Ох, не к добру», – мысленно согласилась Нильда.

Встревоженные хозяева и слуги заснули уже перед рассветом. Хотя наведение порядка решено было отложить до утра, все взволнованно гадали, что за происшествие случилось сегодняшней ночью и какие события оно сулит.

– Одно я могу сказать твердо, – подвела итог ночной беседы Нильда. – И без того-то в Империи неспокойно было, а теперь волнения только усилятся. Разбойники с зеленокожими совсем осмелеют, а там и нежить на наши земли еще больше полезет. На дорогах такое начнется!.. Вот что, девочка, – обратилась она к притихшей Ивонне, – тебе нужно срочно возвращаться домой, пока еще дороги не стали опасными. Была бы моя воля, я бы тебя, конечно, никуда не пустила. Но твой отец будет о тебе волноваться. О женихе я уже не говорю. Да и дома тебе будет безопаснее, – рассудила она. – Если нежить хлынет в Империю, то Меласем как раз на пути из Алкамаара лежит. Тяжело нам тут всем придется. А в ваших краях тишь да благодать – резиденция Великого Инквизитора неподалеку, вот и обходят вас стороной и лихие люди, и орки проклятые. Опять же, жених твой – хороший воин, сумеет тебя защитить. Так что, золотая моя, собирайся в путь, – наказала она и с озабоченным видом добавила: – А я завтра же начну искать тебе отряд для сопровождения.

– Отряд? – удивленно переспросила Ивонна. – Но сюда я приехала с тремя воинами отца. Разве их мало?

– В нынешних обстоятельствах – мало, – отрезала Нильда. – Воинов нужно вдвое больше, а еще не помешали бы маг и целительница.

– Они-то зачем? – еще больше изумилась Ивонна. – Как-нибудь обойдемся без волшебства и лечения.

– Раньше, быть может, и обошлась бы, – твердо возразила тетушка, – а сейчас нужно быть готовыми ко всему. И что магия понадобится, и что дорога растянется. Мало ли, какие непредвиденные обстоятельства в пути возникнут? Надо предусмотреть все.

– Хорошо, – покладисто согласилась Ивонна. – Но оплачивать все буду я.

– Еще чего придумала! – заворчала Нильда. – Ты моя гостья, и мой долг хозяйки – вернуть тебя домой в целости и сохранности. Чтобы ни один золотой волосок с твоей хорошенькой головки не упал.

Но неожиданно Ивонна решила настоять на своем. Она понимала, что содержание хозяйства обходится тетушке недешево и лишние траты ей совсем некстати.

– Ты же сама меня учила, что вознаграждать нужно не до, а после проделанной работы – каждому по заслугам, – напомнила Ивонна. – Лодырю – медный грош, прилежному работ-

нику – золотой. Вот и я вознагражу своих сопровождающих в конце пути, когда они проявят себя.

Поворчав для порядка, тетушка согласилась с доводами племянницы. Домочадцы разбрелись по комнатам. А Ивонна, вернувшись к себе, обнаружила невосполнимую потерю и безутешно прорыдала в подушку до рассвета. Накануне странного происшествия она, склонившись над столиком, в упоении читала книгу. Когда небо озарила падающая звезда, она неосторожно смахнула подсвечник на стол, и пламя в один миг охватило страницы. И хотя Ивонна торопливо загасила огонь и только потом бросилась разыскивать тетушку, теперь она увидела, что от приключений рыцаря Торвальда осталось лишь начало, а продолжение сгорело. И уже никогда не узнать, удалось ли герою соединиться с возлюбленной дамой Донателлой. Торговец, продавший ей книгу, уверял, что она уникальна и второго такого списка романа не найти. Отчаянию Ивонны не было предела. Перед испорченной книгой меркли и ночное происшествие с упавшей звездой, и предстоящее путешествие.

Глава 2
Заклятье

Наутро об упавшей звезде говорили во всей Империи. «Вы видели?» – судачили деревенские кумушки у колодца. «Видели?» – перешептывались ученые мужи в столице. «Видали?» – громко, во весь голос вопрошали имперские воины у товарищей. «Видели, ночью-то?» – шушукались инквизиторы. «Все видели!» – гневно цедил Великий Инквизитор Иоганн, нервно меряя шагами просторный зал.

Но, пожалуй, одно из самых горячих обсуждений велось на заднем дворе дома волшебника Гидеона, где с самого утра собрались его ученики. Взбудораженные ночным происшествием, юноши с нетерпением ждали толкования от своего мудрого наставника. А пока волшебник не спустился, высказывались самые неожиданные версии.

– Ребята, – несмело произнес Дир, сутулый парень с мертвенно-белым лицом и тонкими, бескровными губами, – а если это Бетрезен? Что, если он вернулся на землю, а звезда по его велению упала на один из разломов, и теперь Легионы Проклятых вновь вырвутся наружу?

– Как вырвались, так и обратно вернутся. – Широкоплечий Норд показал свой крепкий кулак. – Я лично первым в войско запишусь.

Его товарищи уважительно притихли. В магии Норд был не силен, и для многих оставалось загадкой, почему волшебник до сих пор держит его в учениках, если за три года обучения парень не продвинулся ни на один уровень. Магические умения Норда, как и на момент поступления к Гидеону, ограничивались топорным вызыванием молнии. Однако дразнить Норда никто не осмеливался – он был самым старшим из всех и самым физически крепким.

– А мне кажется, это добрый знак, – вмешался самый младший из учеников, хорошенький, как эльф, Сандр, и выдал свою версию: – Всевышний не оставил нас. Ведь звезда упала с самого неба.

– Просто так звезды с небес не падают, – с беспокойством возразил круглолицый полный Бейл, сын местного мельника. – Что, если это не милость, а гнев Божий?

– А я вам что говорю? Это проделки Мортис! Пойдет мор по всей земле, как в былые времена, и увидите, что я был прав. Если еще сами живы останетесь, – с трагическим надрывом доказывал долговязый парень с темными кругами под глазами, за свой пессимистический склад характера прозванный Вороном.

– Опять вороны раскаркались, – с насмешкой произнес только что подошедший смуглый юноша с лукавыми карими глазами, веселым, подвижным лицом и слегка вьющимися каштановыми волосами, выгоревшими на солнце.

Роста он был среднего, но умудрялся смотреть свысока даже на Норда, возвышавшегося над ним на целую голову. При его появлении другие ученики оживились еще больше и загалдели:

– Вернер, где тебя носит?

Из всех учеников Вернер жил ближе всех к дому учителя, в конце улицы. Другим повезло меньше – им приходилось топать из других деревень и окрестных сел. И при этом те, кто жил дальше всех, являлись на занятия самыми первыми, а Вернер умудрялся постоянно опаздывать.

– А что, я что-то пропустил? – Вернер лениво откусил домашнюю булку, которую держал в руке. – Из-за вас даже позавтракать толком не успел, – посетовал он, прожевав, – разгалделись тут с самого утра!

– Как ты можешь думать о еде, когда случилось такое? – упрекнул его Сандр.

– Малыш, – Вернер насмешливо потрепал его по подбородку, и мальчик, зардевшись от обиды, отвернулся, – поживи с мое, поймешь, что сытный обед – это одна из тех вещей, о которых следует заботиться прежде всего.

– А по тебе и не скажешь. Одни кожа да кости, – обиженно огрызнулся Сандр. И почему вредный Вернер всегда напоминает ему о том, что он здесь – самый младший? Главное, что в магии он не последний. Гидеон не раз хвалил его на занятиях, а однажды даже привел в пример Вернеру, чтобы тот слишком много о себе не мнил. И ведь не зря привел! Заклинание Сандра и впрямь получилось куда удачнее попытки Вернера, который отнесся к заданию учителя спустя рукава.

Но в ответ на его колкость Вернер только рассмеялся – аж крошки изо рта брызнули.

– Не в коня корм, – давясь булкой, произнес он. – Вот Хлебушек наш, – он подмигнул круглобокому Бейлу, – не зря на мельнице папаши околачивается. Скоро уже шире него станет.

Бейл обиженно заалел и, сжав кулаки, подался вперед.

– Эй-эй! – Вернер отступил, выставив руки в примирительном жесте. – Ты чего? Хорошего человека должно быть много. Сам подумай, если бы ты был такой, как я, – юноша провел руками по поджарым бокам, – разве отец смог бы тобой гордиться? Да лично я бы, глядя, что у мельника сын худой, никогда бы не купил у него муки.

Бейл с сомнением потоптался на месте. Вроде бы в словах Вернера уже не было ничего обидного. Да и ввязываться в драку не хотелось. В том, что он одолеет Вернера силой, Бейл не сомневался – он был почти вдвое крупнее. Однако с Вернером, несмотря на все его обидные шуточки, никто не рисковал сцепиться. Вернер был не только одним из самых одаренных учеников, он еще знал такие магические приемы и заклинания, которым не обучал Гидеон.

Однажды Норд побил его, и Вернер отомстил ему, выкрикнув незнакомое заклинание, которое сделало низкий бас силача тонким и писклявым, как писк мыши. Даже Гидеону, к которому помчался Норд, не сразу удалось снять заклятье. С тех пор открыто сталкиваться с Вернером даже Норд не решался. Мало ли, какие штучки у него еще припасены для обидчиков!

Вернер сам как-то заявил Бейлу в дружеской беседе, что ученик должен не только стать подобным своему учителю, но и превзойти его в мастерстве. «Каждый ученик мечтает стать белым магом, – сказал тогда Вернер. – А если ты не хочешь стать самым великим магом во всей Империи, зачем тогда вообще учиться?» Бейл в тот раз промолчал. Ему самому было бы достаточно стать самым искусным магом в своей деревне, чтобы отец наконец-то зауважал его необычные способности, а мачеха отвязалась и не смела повысить на него голос. О большем Бейл и не мечтал. Но признаться тогда Вернеру в своих скромных желаниях он не решился. Уж слишком у того горели глаза. Бейл только спросил у него: «А ты мечтаешь стать белым магом?» И услышал в ответ: «Я мечтаю стать единственным в своем роде, сильнейшим и опытнейшим. Самым могущественным магом во всей Империи».

– Мир? – Вернер напоследок откусил большой кусок булки и с обезоруживающей улыбкой протянул ее половину товарищу.

Тот в нерешительности замялся. В конце концов, Вернер не такой уж и злой. Только вредный слишком. И гордый, как какой-нибудь дворянский сын. Недаром в деревне ходят слухи, что никакой его погибший отец, которого здесь отродясь не видели, не стражник вельможи, а самый что ни на есть знатный господин.

– Бери уж! – Вернер по-братски обнял его за плечи и вложил булку в пухлую натруженную ладонь Бейла – в свободное от занятий магией время тот прилежно помогал отцу на мельнице. Точнее было бы даже сказать – в свободное от работы на мельнице время Бейл

находил силы проходить пару деревень пешком, чтобы поучиться магии. Учитывая немалый вес Бейла, такие пешие прогулки были для него настоящим подвигом. Непонятно было, что больше его толкает к Гидеону – желание преуспеть в магии, которую отец ни в грош не ставил, или стремление оказаться подальше от мачехи, склочной и вредной женщины, чьи непрестанные издевки не шли ни в какое сравнение с подколками Вернера.

Бейл жадно захрустел – булки мать Вернера была печь мастерица, и в который раз взгрустнул о своей судьбе. Вот бы его отцу жениться на мягкой, доброй, отзывчивой Гелене – мать Вернера давно вдова. И тогда, быть может, и ему, Бейлу, перепали бы хоть крохи той нежной любви, которые достаются на долю его товарища.

Обиднее всего, что сам Вернер заботы матери совсем не ценит. Уж сколько он ей доставил неприятностей за четыре года их совместного обучения и сколько еще доставит! И из дому-то он сбегал не раз – то за имперскими стражниками вслед увяжется, то услышит от Гидеона легенду о старинном кладе, который якобы спрятан на Пропащем болоте, и рванет туда в глухую полночь.

Хорошо, что в первый раз воины, заприметив мальчонку, сжалились над матерью и отправили его с провожатым домой. А в случае с кладом уже Гидеон помог: когда встревоженная Гелена пришла к нему вечером и рассказала, что сын не вернулся домой после занятий, волшебник сразу смекнул, что ученик слишком серьезно воспринял рассказанную им легенду, и поспешил к болоту. Как раз вовремя успел – еще бы немного, и не было бы уже на белом свете неисправимого задиры Вернера с его вечными шуточками, подковырками и обидными прозвищами, какими он награждает всех и всякого.

Норд у него Скала, Сандр – Малыш, Дир – вампир… Даже к учителю никакого уважения – за глаза он зовет его Гномом, за то, что долгое время учитель провел с жителями горных кланов и от них перенял много диковинной магии, знаниями о которой щедро делится с учениками.

Бейл дожевал булку, стряхнул в рот последние крошки – вкуснейшей выпечкой тетушки Гелены не хотелось делиться даже с птицами – и обернулся на окна дома волшебника. Скоро он там? Сегодня Гидеон обещал рассказать им о рунной магии, и Бейл уже притоптывал от нетерпения в ожидании интересного урока.

Ученики тем временем возобновили спор об упавшей звезде и хотели узнать мнение припозднившегося Вернера на этот счет. Однако любимчик Гидеона, похоже, не разделял всеобщего возбуждения.

– Не понимаю, чего вы так всполошились? – Вернер лениво повел плечами. – Ну, звезда, ну, упала. Подумаешь…

Во дворе на мгновение воцарилась изумленная тишина, а потом всех будто прорвало. Шум, гам, гвалт! За всеобщей суматохой ученики даже пропустили появление волшебника. Гидеону пришлось протиснуться в самый центр возбужденно галдящего кружка, который образовался вокруг Вернера.

– И что здесь происходит? – рявкнул волшебник, перекрывая возгласы.

Шум разом смолк, и ученики почтительно отступили, склонив головы в ритуальном поклоне.

– Довольно! – Гидеон нетерпеливо махнул рукой и обвел притихших учеников строгим взором. – Разгуделись тут, как деревенские кумушки!

– Но ведь звезда!.. – взволнованно воскликнул Сандр и тут же сконфуженно замолчал, когда на него цыкнул стоящий рядом Норд. С такой махиной разве поспоришь? Прав Вернер, что кличет его Скалой. И Бейлу прозвище Хлебушек очень подходит. А вот насчет него самого, Сандр обиженно шмыгнул носом, Вернер не прав. Он еще вырастет и всем покажет. И Норду, который смеет на него цыкать, и задаваке Вернеру, который почему-то считает

себя самым способным из них, и своим старшим братьям, которые из зависти кличут его волшебником-недоучкой.

– Да, – Гидеон с глубокомысленным видом погладил окладистую бородку, – звезда. – И замолчал.

– Учитель, – не выдержал Норд, – скажите же нам, что теперь будет?

– Что же, – Гидеон обхватил себя за плечи, что говорило о высшей степени напряжения, – однозначного ответа тут быть не может. Поживем – увидим. Пока ясно одно: случилось это не просто так, и последствия не заставят себя ждать. Готовьтесь к большим переменам. Будьте мужественны, будьте готовы защищать своих родных и магией, и кулаками.

– Вы считаете, что это к беде, учитель? – влез в разговор тот, кого Вернер назвал Вороном.

– Я не знаю наверняка, Сильвер. – Учитель развел руками, и парень торжествующе заулыбался, заглядывая в лица стоящих вблизи товарищей: мол, видали, я оказался прав!

– Но сердце подсказывает мне, – веско добавил Гидеон, – что перемены очистят наш мир Невендаара от скверны и пусть не сразу, но принесут покой и благодать. Что может быть еще хуже того смутного времени, в котором мы живем? Когда отряды зеленокожих совершают набеги на беззащитные земли? Когда гномы заперлись от мира в горах и не желают даже видеть того, что происходит в Империи? – Звучный голос волшебника переполнился горечью. – Когда эльфы все чаще преступают наши земли, и отнюдь не с добрыми намерениями? Когда невозможно проехать из южных земель в северные без того, чтобы не столкнуться в пути с нежитью? Когда то тут, то там на нашей земле возводятся святилища Мортис? Да что говорить о нежити и эльфах, когда мы сами, люди, сделались врагами друг другу! – с горечью заметил он. – На дорогах лютуют разбойники. Дворяне идут войной друг на друга, не поделив земли и власть. Крестьяне устраивают мятежи, в которых гибнут дворяне. Инквизиция одинаково беспощадно преследует и тех, и других.

Ученики испуганно примолкли, пораженные трагизмом в голосе волшебника. А Гидеон, глядя на их растерянные лица, вздохнул. О чем он говорит этим детям, которые уже родились в это смутное время? Другой жизни они и не знают, они уже свыклись с ней, и любые перемены кажутся им концом света.

– Тогда что нас ждет, учитель? – с дрожью в голосе уточнил Бейл. – Война?

– Вот и отлично. Наконец-то мы сможем проявить свои умения в жизни! – запальчиво воскликнул Вернер, и на него тут же зашикали. А Гидеон строго посмотрел на юношу.

– А что? – принялся оправдываться Вернер. – Надоело уже сжигать деревья в роще и бить молниями по белкам. Я бы с радостью подпалил какого-нибудь живого скелета или вступил в схватку с демоном!

Однако приятели его оживления не разделяли – слово «война» тревожным вздохом пронеслось по рядам.

– Мужчина всегда должен быть готов к бою, – заметил Гидеон. – Но я искренне надеюсь, что в ближайшее время воевать нам ни с кем не придется. А сейчас, – он хлопнул в ладоши, призывая всех к тишине, – приступим к уроку.

Он подошел к широкому, с жернов, пню, стоявшему у забора, достал из-за пояса синий тряпичный мешочек и, ослабив его тесьму, высыпал на пень пластинки, иссеченные диковинными письменами.

– Руны! – взволнованно ахнул Бейл и подался вперед, чуть не затоптав стоящего впереди Сандра.

Ученики с интересом столпились у пня, разглядывая гномьи письмена, хранившие древнюю магию. Лишь один Вернер не разделял всеобщего любопытства. Он демонстративно уселся на бревне у забора, всем своим видом являя скуку, достал из котомки яблоко и принялся жевать. Его поведение не укрылось от зоркого взгляда наставника.

– Ты чем-то недоволен? – обернулся он к юноше.

– К чему нам это? – Вернер дерзко взглянул на учителя. – Эти никчемные костяшки служат тому, кто готов заплатить за них высокую цену. Что толку с них нам, беднякам? Не лучше ли нам полагаться на собственные силы и умения?

Гидеон побледнел от оскорбления, а остальные ученики испуганно примолкли. Все знали, что к магии гномов волшебник относится с особым почтением, и подвергать древние знания гномов критике – значило не уважать учителя.

– И какую же магию ты считаешь толковой, мальчик? – тихо спросил Гидеон.

– Ту, которая способна обратить вспять целое войско, – казалось, не замечая гнева наставника, ответил Вернер. – Хотя бы магию демонов!

Последние слова Вернера грозовым залпом пронеслись по двору, заставив всех онеметь. «Да он с ума сошел!» – мысленно ахнул Бейл. «Как можно говорить об этом вслух?» – поразился малыш Сандр. «Запретная магия, – тревожно забилось сердце Норда, – не к добру…» Гидеон же побледнел от гнева.

– Не смей даже упоминать ее! – с негодованием оборвал он ученика. Взгляд волшебника сделался страшен, и в нем словно заполыхало зарево пожара. – Магия демонов – жестокая, темная, противоестественная. Это магия смерти, направленная на уничтожение всего живого. Она не пощадит никого – ни ребенка, ни женщину, ни старика. А того, кто посмеет ею воспользоваться, она приведет под власть Бетрезена. Даже одно демоническое заклинание навсегда изменит судьбу того, кто его применит. Если долго вглядываться в Преисподнюю, Преисподняя начнет вглядываться в тебя.

Речь наставника не оставила равнодушными учеников: юноши застыли в ужасе. Никто не посмел бы ослушаться волшебника, никому не хотелось стать рабом страшного Бетрезена. Никто, кроме Вернера, который все так же дерзко смотрел на учителя, отбросил в сторону огрызок и упрямо добавил:

– А я считаю, что настоящий маг должен владеть всеми видами магии.

– Вон! – гневно выдохнул Гидеон. – Прочь с глаз моих!

Ученики застыли в замешательстве. Происходило что-то немыслимое! Вернер всегда считался любимчиком Гидеона, ему прощалось то, что не сходило с рук другим, но сегодня впервые за четыре года обучения учитель разгневался так, что выгоняет Вернера с урока. «Проси прощения, дурень!» – мысленно взмолился Бейл. Но Вернер и не думал раскаиваться.

– Как скажете, – с равнодушным видом бросил он и поднялся с места, дернув за собой котомку. Слишком резко – котомка упала в пыль, и ее содержимое высыпалось на землю. Покатились под ноги Гидеону спелые медовые яблоки, спланировали на землю исписанные ученические свитки, отлетела в сторону рогатка, с грохотом упала тяжелая книга в черном кожаном переплете, подняв в воздух облачко желтой пыли. Вернер потянулся за рогаткой, а Гидеон внезапно подался вперед и переменился в лице: его губы побелели, сделавшись пепельными, а взгляд, прикованный к книге, стал мертвым, как будто он заглянул в саму Преисподнюю…

Исчез залитый солнцем двор, стерлись лица учеников, и все вокруг вдруг заволокло туманом. Этот туман долгие годы преследовал волшебника в ночных кошмарах, отравлял его жизнь страшным мороком прошлого, когда молодой маг лишился всего и поседел за одну ночь.

Давным-давно Гидеон был молод и счастлив. У него был свой дом на опушке леса, и в этом доме с зари до заката звучали голоса – звонкий, мелодичный голос жены, которая любила петь, звенящий смех маленького сынишки, дрожащие от старости голоса бабушки и деда – родителей уважаемого в селе мага. Жизнь в отдаленном от волнений столицы селе была размеренной и спокойной. Гидеон совершенствовался в магии, жена растила ребенка,

престарелые родители находили отраду в заботе о внуке и сами были окружены заботой сына и невестки. А вскоре в доме должен был зазвучать еще один долгожданный голос – плач новорожденного младенца. О большем счастье молодой маг и не мечтал.

Вот оно, его счастье. Лотта – темные, как ночь, кудри, смеющиеся карие глаза, солнечная улыбка, не сходящая с алых, малиново-сладких губ, пленительные изгибы тела, медовый аромат кожи… Как же ему с ней повезло! Такие женихи к первой красавице на селе сватались, а она выбрала его – не статного воина, не благополучного сына старосты, а нелепого мага.

Нэд – мягкие детские локоны, доверчивый взгляд, бархат щек – сложно представить, что когда-то он вымахает в высокого сильного мужчину, отрастит бороду. Мать – лучики морщин на добром лице, милая улыбка. Отец – мудрый взгляд, благородная седина. Невозможно представить, что кто-то тяготится своими стариками, то и дело собачится с ними. В их семье такого никогда не было.

Все изменила одна ночь. Гидеон помнил ее до мелочей, ведь ее страшные события он еженощно переживал в своих кошмарах. Утром он нежно обнял жену, поцеловал сонного сынишку, простился с родителями и отправился в соседнюю деревню – накануне он сговорился с возвращавшимся через их село крестьянином о покупке коровы. Сейчас, когда в семье вот-вот должен был появиться младенец, возникла необходимость в расширении хозяйства.

В деревне он задержался до заката: зашел навестить старого приятеля, и за беседой день пролетел незаметно. Возвращался домой он усталый, но довольный, вел на поводу рыжую с белым корову, представлял, как обрадуется ей Лотта, как засветятся от радости глазенки Нэда, когда он вручит ему гостинец – сахарного петушка на палочке. И своих стариков не забыл – в наплечной суме лежит новенькое лоскутное одеяло, пошитое деревенской мастерицей.

Погрузившись в мечты, Гидеон не заметил, как его окутал плотный, густой, серый туман. Опомнился уже от тревожного мычания коровы, которая внезапно заартачилась и словно вросла копытами в землю.

– Ну что ты, моя хорошая, – принялся он уговаривать буренку. – Чего испугалась? Это всего лишь туман. Просто туман… – И вдруг осекся от страшной догадки.

Природный туман не бывает серым, как пепел Преисподней, и он не пахнет серой, от которой щемит в груди, а на глазах выступают горькие слезы. Колдовство! И колдовство не простое – злое, смертельное… Маг выпустил повод из рук, и корова, развернувшись, опрометью бросилась назад.

Но он даже не пытался ее вернуть. Гидеон принялся вертеть головой, пытаясь сообразить, в какой стороне находится его село, и тут туман разорвали людские крики и леденящий душу лай… Так лают не дворовые псы, так лают адские гончие. На его село напали демоны! И это в тот самый момент, когда он не рядом со своими близкими, а они так нуждаются в его защите.

Гидеон стремглав бросился на крики, моля Всевышнего о том, чтобы успеть отвести беду. Спасти пусть не всех сельчан – хотя бы свою семью. Всевышний услышал его мольбы. Благодаря тому, что дом Гидеона находился на окраине, а демоны напали с другой стороны села, его родные еще были живы. Лотта, прижав к груди плачущего сына, стояла на крыльце. За ее спиной испуганно жались старики.

Туман, плотной завесой накрывший село, пока не окутал дом, но уже стелился у крыльца, то опускаясь до самой земли (и тогда Гидеон, бегущий к дому, мог видеть родных), то взмывая выше крыши и отсекая видимость. Маг уже перемахнул за сельскую ограду, до дома оставалось рукой подать. Гидеон неспроста выстроил дом на самой окраине – во дворе находится круг силы, умножающий мощь магических заклинаний. Еще немного – и он уже

окажется в нем, сможет защитить родных своим волшебством. Лотта обернулась, увидела приближающегося мужа. На ее побелевшем от напряжения лице отразилось облегчение и, забыв о предосторожности, она сбежала с крыльца, навстречу супругу, не видя, как за ее спиной, в густом тумане, сверкнули красным огнем глаза монстра.

– Лоти, нет! – заорал, срывая голос, Гидеон. – Назад!

Но его крик перекрыл лай адской гончей, и серый туман с головой накрыл Лотту. А потом раздался душераздирающий человеческий вопль, в котором не осталось ничего от хрустального голоса его жены.

Гидеон бросился сквозь пелену тумана – и уткнулся в невидимую стену, вдруг ставшую совершенно прозрачной. За этой стеной, усмехаясь ему в лицо, стоял незнакомец в черном плаще. Глаза смотрели холодно и надменно, правую щеку пересекал косой шрам, доходивший до самого рта, отчего уголок губ казался приподнятым в глумливой усмешке, а в красном в свете пожарища лице не осталось ничего человеческого. За его спиной адский пес ожесточенно ломал тело Лотты.

– Мой сын… – выдохнул Гидеон. – Прошу, сохрани ему жизнь…

В тот миг он был готов на что угодно. Даже стать таким же бессердечным демоном, одним взмахом руки сжигать целые села и ломать человеческие жизни. Лишь бы только его мальчик спасся. Лишь бы только на земле осталась частичка любимой жены, малыш Нэд…

– Он мертв, – равнодушно произнес демонолог и отвернулся, потеряв к магу всякий интерес.

А Гидеон бессильно забился о невидимую стену, за которой появились его старики, сбежавшие с крыльца на помощь невестке. Гончая хищно обернулась – и прыгнула.

Внезапно стена, удерживавшая мага, исчезла, он упал на землю и не смог шевельнуться, опутанный другим, парализующим заклинанием. В двух шагах от него трехглавая гончая терзала тела его родных. Мертвые уже не чувствовали боли, но Гидеон корчился от их мук и ждал лишь одного – чтобы адский пес наконец заметил его и прекратил его страдания. Целую вечность боли спустя гончая приблизилась, взглянула ему в лицо горящими, как головешки, глазами, оскалила острые клыки, дыхнула смрадом – и умчалась, подчиняясь приказу своего хозяина.

Туман развеялся в один миг. Демоны покидали разоренное село, в котором не осталось ни одного живого человека, кроме мага. Лежа на боку, Гидеон видел сливающиеся с темнотой силуэты. Замыкал шествие демонолог. Обернувшись, он скользнул взглядом по руинам, на мгновение задержался на неподвижном теле мага и вдруг воздел руки. В ночном небе завихрился огненный смерч, и на землю хлынули огненные искры. Гидеон закрыл глаза. Вот и все. Гончая не оборвала его страдания, но теперь осталось недолго. Огненный дождь испепелит его дотла.

Запахло паленым, воздух наполнился треском и шипением. Искры опалили волосы, прожгли одежду, горящими звездами впитались в кожу. Когда от огня вспыхнули брови, Гидеон потерял сознание…

Он выжил чудом. Через их земли возвращался отряд гномов и, увидев зарево, свернул к горевшей деревне. Спасать уже было некого. Но искусный гномий маг, когда воины уже расселись по седлам, в последний миг обнаружил еле живого от ожогов человека. Рингольф снял обездвиживающие чары, исцелил страшные ожоги Гидеона и, видя, что тот едва жив от горя, увез его с собой, в Тиморию.

Несколько лет Гидеон провел в подземельях гномов, изучал рунную магию, а потом вернулся в Империю, остановился в деревне в противоположном краю от родных мест, взял себе другое имя и начал жизнь заново. Следуя совету Рингольфа, он набрал учеников. А о трагедии, унесшей жизни его близких, никому не рассказывал.

Мудрый гном оказался прав – ученики отчасти заменили ему утраченную семью, наполнили его жизнь смыслом. Взамен погибшего сына у него появилось множество юношей, к которым он относился с отеческим теплом, в уроках и беседах с которыми находил утешение. Когда юные маги подрастали и становились самостоятельными, Гидеон брал следующих.

Из нынешних учеников Вернер был самым талантливым, по возрасту приходился ровесником Нэду, и Гидеон выделял его особо. Юноша не только обладал магической силой, значительной для его лет, но и умел располагать к себе людей, несмотря на свой непростой характер. На него невозможно было долго сердиться, и хотя Вернер единственный из всех учеников осмеливался время от времени ему дерзить, Гидеон все прощал ему, как сыну. К тому же парень рос без отца, вил веревки из любящей матери, и Гидеон беседами с Вернером, который часто задерживался после занятий рядом с учителем, старался повлиять на юношу, передать ему свой опыт, как сыну.

Поэтому, когда Гидеон увидел среди вещей Вернера книгу демонических заклинаний в переплете из человеческой кожи, земля поплыла у него под ногами, и все вокруг заволокло туманом… Ученик, который был ему как сын, предал его, связавшись с теми, кого Гидеон ненавидел больше всего на свете.

– Откуда это у тебя? – Маг гневно кивнул, указывая на лежащую в пыли книгу.

– А вам-то что? – в привычной дерзкой манере ответил Вернер и потянулся, чтобы подобрать книгу.

Гидеон много раз прощал ученику его выходки, но на этот раз его чаша терпения переполнилась. Он подскочил к книге раньше, чем к ней приблизился Вернер, наступил на нее ногой, вдавливая в землю.

– Отдайте. Она моя! – подался вперед Вернер, и Гидеону показалось, что глаза юноши вспыхнули дьявольским огнем.

Таким же, каким горели все шесть глаз трехглавой адской гончей, растерзавшей его родных…

С пальцев Гидеона сорвалась синяя молния – и через мгновение от книги осталась только горстка пепла да запах паленой человеческой кожи, из которой был сделан переплет.

– Вот как! – угрюмо произнес Вернер и стремительно покидал выпавшие вещи в котомку. – Думаете, что остановите меня?

Он закинул котомку на плечо и размашистым шагом зашагал со двора.

Сердце волшебника тревожно сжалось. Вернер сам пока не сознает, какие силы ему даны. Что, если юноша выберет сторону Бетрезена и одним демонологом на земле станет больше? Этого допустить никак нельзя.

– Стой! – взволнованно вскричал Гидеон.

Но Вернер даже не замедлил шага.

– Стой, я сказал! – Волшебник бросился вслед за ним, путаясь в плаще.

Вернер уже завернул за угол дома, когда рука Гидеона вцепилась ему в плечо.

– Стой!

Волшебник развернул его лицом и содрогнулся при виде решимости в глазах Вернера. Да в него словно демон вселился!

– Вы меня не остановите, – упрямо процедил юноша. – Что вы можете мне сделать? – Он уже открыто над ним насмехался. – Заколдуете меня своими рунами?

И тут Гидеон вспомнил о древнем заклинании, о котором узнал от Рингольфа. «Вызов духа Фернира» во время боя превращал воина в волка. Сострадание и милосердие зверю были неведомы, поэтому не было на поле безжалостнее бойца, чем оборотень. Втайне от Рингольфа, который бы не одобрил его интереса, Гидеон досконально изучил заклинание. Еще больше времени ушло на его доработку.

В те времена сердце Гидеона еще пылало ненавистью, он мечтал стереть с лица земли и адских гончих, которые сеют смерть, и демонологов, которые их направляют. Расправиться с ними на расстоянии было недостаточно, хотя сил Гидеона уже хватило бы на то, чтобы вступить в схватку с небольшим отрядом Легионов Проклятых.

Он жаждал вцепиться в глотку адской гончей, разорвать ее на части, а потом растерзать ее хозяина. Обличье волка для этой роли подходило как нельзя лучше. Эксперимент с заклинанием был очень опасен. Рингольф, заметив его интерес к «вызову духа Фернира», предостерег, что человек, на которого спустился дух волка, полностью теряет свою человеческую сущность и навсегда становится зверем. Только опытным «повелителям волков», истинным гномам, доступны обратные превращения. Но Гидеону, путем долгих изнурительных экспериментов, удалось усовершенствовать заклинание и добиться невозможного.

Однако годы, проведенные рядом с мудрым Рингольфом, не прошли даром. Теперь желание взять учеников, передавать свой опыт оказалось сильнее чувства мести, которое со временем угасло. Но однажды применить заклинание все же довелось. Гидеон возвращался от гномов через родные края, когда услышал в лесу лай адской гончей… Маг и сам не понял, как это произошло, только плащ уже остался лежать на земле, а волк мчался на голос, и его клыки нетерпеливо клацали в предвосхищении схватки…

Позже он зализывал раны до самого утра, празднуя победу. Одной гончей и ее хозяином на свете стало меньше. Но когда на рассвете он обернулся человеком, то обнаружил, что его превращение не прошло даром – и на память об этой ночи у него остался волчий хвост. «Мы – это наши деяния», – любил говаривать Рингольф, и в тот миг, когда Гидеон крутился на месте, пытаясь разглядеть, откуда растет хвост, он особенно ясно осознал смысл этого изречения.

Ни один поступок не проходит бесследно. Убийство человека, пусть даже из свиты демонов, уничтожило частичку человека в его душе и изменило его тело, сделав его на шаг ближе к зверю. Этот урок Гидеон запомнил на всю жизнь. За долгих двадцать лет он уже успел привыкнуть к хвосту и искусно прятал его под плащом, так что ни один из учеников не догадывался о его изъяне. Однако самому себе Гидеон поклялся никогда больше не использовать доработанное им заклинание «вызова духа Фернира».

А теперь перед ним стоит ученик, который открыто заявляет ему о своем желании изучать магию демонов – смертоносную, темную, разрушительную магию, у которой всего одна цель – погибель. Гидеон слишком хорошо знал характер своего ученика, чтобы понять – тот не остановится. Но он попробует ему помешать. Если сплести то заклинание, о котором он старался не вспоминать все эти годы, с наказующим заклятьем, то последствия применения губительной магии Вернером не заставят себя ждать. И если юноша не сделает выводов из своего поведения… Что ж, уж лучше пусть он станет волком, чем демоном. Другого выхода нет. Глядя в глаза Вернеру, Гидеон отчетливо понимал, что потерял влияние на этого потенциально сильного молодого мага и уже не сможет его контролировать.

– Ты хоть понимаешь, что магия демонов несет смерть? – Учитель предпринял последнюю попытку образумить юношу.

– И что? – Вернер с вызовом взглянул ему в лицо, и это все решило.

Гидеон положил руку на плечо юноши, силой удерживая его на месте, из уст учителя полились слова сложного, сплетенного из двух, заклинания. Закончив, он убрал руку, покачнулся и дрожащим голосом произнес:

– Отныне всякий раз, когда ты принесешь погибель другому существу, ты станешь постепенно превращаться в волка.

Другие ученики, с напряжением наблюдавшие за разворачивающейся на их глазах драмой, в ужасе ахнули. Только Вернер, все так же насмешливо глядя на волшебника, поднес

руку к плечу и сделал несколько быстрых движений, словно хотел стряхнуть следы, оставленные Гидеоном.

– И это все, что вы можете? – прозвучал его скучающий голос. – Вы меня разочаровали, учитель. Прощайте.

И в полной тишине Вернер вышел со двора.

Глава 3
Решение

Что ж, это рано или поздно должно было случиться. За четыре года обучения у Гидеона он значительно продвинулся в магии, но ему надоело топтаться на месте. Наставник не может научить больше того, что знает сам. А тому, что знал, Гидеон его уже научил. Последние занятия не принесли Вернеру ничего нового. Недовольство учителем, копившееся в юноше, достигло предела сегодня, когда Гидеон, накануне пообещавший познакомить их с новой магией, вытащил горстку никчемных рун.

Что толку от этих покрытых пылью костяшек? Они готовы служить любому магу, в руках которого окажутся. Были бы деньги на их покупку. Совсем другое дело – те мощные разрушительные заклинания из найденной книги, которые можно создать самому. Разница между ними и рунами была так сильна, что от разочарования он не сдержался и надерзил учителю.

Вернер перехватил котомку и направился к дому.

Интересно, что подумал Гидеон, когда увидел у него книгу? Что он продал за нее душу Бетрезену? Поэтому Гном так и взбесился? Реальность была куда прозаичнее. Накануне Вернер бродил по лесу, в надежде подстрелить дичь к ужину, и увидел костер, у которого сидел незнакомец в черных одеждах. Подойти к нему он не решился – уж слишком свиреп тот был на вид. Однако и уйти не мог, затаился за деревьями и наблюдал, как незнакомец побросал в костер какие-то свитки, затем встал и нервно прошелся туда-сюда, а потом подхватил с земли свою суму и зашагал прочь. Но напоследок свистнул так, что назойливо чирикавшая над головой Вернера пичуга свалилась замертво, а у самого юноши ноги приросли к земле. Когда оцепенение прошло, Вернер кинулся к догорающему костру, подстрекаемый любопытством. Однако от бумаг, которые жег странный путник, остался только пепел.

Но, осмотревшись, юноша издал вопль ликования при виде тяжелой потрепанной книги, которую обронил незнакомец. Он с почтением взял ее с земли, отряхнул от налипшей травы, провел рукой по кожаному переплету, отметив, как мягка на ощупь кожа, – наверное, страшно дорогая! Пробежавшись взглядом по старым пожелтевшим страницам, затертым от множества прикосновений, юноша возликовал еще больше – перед ним была книга заклинаний. Да таких, о которых он раньше и не слышал!

Прижав находку к груди, он опрометью бросился из леса, боясь, что незнакомец обнаружит пропажу и вернется. Он мчался к дому, обуреваемый любопытством. Скорей бы усесться на заднем дворе, где его никто не потревожит, и погрузиться в чтение, открыть для себя новые, неведомые знания, которые содержит книга. Об обещании принести к ужину дичь он вспомнил, только увидев ждущий взгляд матери, встретившей его на крыльце.

– Что ж, – устало вздохнула Гелена, нащупав в кармане последнюю мелкую монетку, заработанную стиркой. – Пойду к соседям, они нынче собирались птицу зарезать.

Кому нужна эта жалкая курица, уплетая сочное жаркое, думал вчера за ужином Вернер. Пусть пропитание добывают те, кто больше ни на что другое, кроме охоты да пахоты, не годен, вроде здоровяка Норда или толстяка Бейла. Много ли своим горбом заработаешь? А магия – ключ к славе и богатству. Но для того, чтобы преуспеть, знаний, которые дает им Гидеон, недостаточно.

То ли дело заклинания, о которых он вычитал из найденной книги! Одно из них способно парализовать отряд неприятеля на целый день, другим можно за считанные мгновения выжечь целый лес. О маге, который совершит подобное, будут слагать легенды! И уж в его суме всегда найдется полный мешочек золотых.

Так думал Вернер еще вчера, и вот сегодня все решилось само собой. Гидеон изгнал его из учеников. Обратного пути нет. Да и не надо! Вернер знал, куда отправится. В столицу, Фергал. Там находится Башня Магии. Там хранятся древние магические книги. Там преподают лучшие маги. И именно туда устремился незнакомец, обронивший книгу. Надо его найти и уговорить взять себя в ученики.

Книга – это, конечно, хорошо, но без опытного наставника всей ее премудрости не постичь. Да и самой книги больше нет… Как жаль, что Гном в припадке бешенства уничтожил ее! Но ничего, Вернер успел переписать несколько заклинаний в свою магическую книгу. И еще несколько запомнил – память у него хорошая, Гидеон всегда его хвалил. Осталось только дождаться удобного случая, чтобы их применить и попробовать свои силы.

Вернер свернул к своему дому и толкнул калитку. Надо торопиться, чтобы нагнать мага в черных одеждах. Он только возьмет самое необходимое – смену одежды, буханку хлеба, флягу с водой – и сразу же в путь.

– Ты сегодня быстро.

Мать! Как некстати ее внимательный взгляд, ее мягкая улыбка… Нельзя поддаваться жалости.

– Что-то случилось? – не отставала Гелена.

– Все, что можно, уже случилось, – буркнул Вернер.

И, встретившись с тревожным взглядом матери, небрежно добавил:

– Звезда-то уже свалилась с неба. Что еще могло произойти такого, чтобы затмить это событие?

– И что говорит по этому поводу учитель Гидеон? – живо поинтересовалась мать.

– Он пока не пришел к однозначному мнению, – уклончиво ответил Вернер. Главное – потянуть время, чтобы мать не сунулась к Гидеону, с которым была дружна и частенько угощала его своей выпечкой, и не узнала об их ссоре до того, как он покинет деревню. – Поэтому и заниматься с нами не стал – поспешил к своим ученым книгам.

Мать понимающе покивала головой.

– А у тебя как дела? Собралась куда-то? – решил разведать обстановку Вернер.

– Ох, да, пора мне! – спохватилась Гелена. – Криста меня сегодня к себе звала. По хозяйству помочь, постирать. – Мать виновато улыбнулась, и от этой улыбки сердце Вернера сжалось от жгучей обиды.

Сын прачки, вот он кто теперь. Мать вечно в услужении у более богатых соседей – за еду и мелкие гроши и стирает, и убирает, и с детьми нянчится – за любую работу берется. Знали бы крестьяне, что им прислуживает потомственная аристократка!

– У нее же ребенок малый, – словно оправдываясь, добавила мать, – не справляется одна.

– Да-да, конечно, иди, – в смятении пробормотал Вернер.

Кажется, целая жизнь прошла с тех пор, когда он с родителями жил в богатом замке. Жилые комнаты с роскошным убранством, просторные гулкие залы, длинные галереи с портретами предков снились Вернеру до сих пор. Вот только просыпаться приходилось в бедной деревенской избе, а на память о благородном семействе остался только медальон с фамильным гербом, который отец снял с шеи и отдал жене, навсегда прощаясь с ней и пятилетним сыном. Прошло уже тринадцать лет, а Вернер помнил тот день, как сейчас.

Они возвращались от родственников, у которых гостили пару дней. Ехали не спеша, кобыла матери прихрамывала, и отцу приходилось сдерживать своего резвого скакуна. Мальчик сидел с отцом, вцепившись в конскую гриву, и то и дело просил покатать его быстрее. Тогда отец пришпоривал скакуна, и ветер бил в лицо, а лошадь мамы за считанные мгновения оставалась далеко позади.

Замок был уже недалеко, когда отец увидел, что ворота раскрыты, и с беспокойством осадил лошадей. Дальше все произошло в считанные мгновения. На крепостной стене, заметив их, забегали люди. Это были не их стражники. Поднялся шум. Из ворот замка повалили крестьяне, вооруженные вилами, косами и дубинами.

– Держись крепче, сынок! – Отец стремительно спрыгнул с коня, пересадил жену с хромой лошади на своего резвого скакуна и развернул его в обратную сторону.

– Бегите, я их задержу.

– Нет, – замотала головой Гелена, – я без тебя не поеду.

– Вместе нам не уйти, милая. Спасай сына. Люблю вас.

– И я тебя люблю, – с отчаянием прошептала Гелена.

– Даст Всевышний – еще свидимся, – ободряюще улыбнулся отец, хлопнул коня по крупу, и тот сорвался с места, стремительно унося всадников прочь.

Тогда они видели его в последний раз. Вести об убийстве знатного господина разнеслись по округе, настигнув Гелену и Вернера в пути. Замок родни, куда Гелена бросилась искать укрытия, оказался сожженным дотла. В те дни крестьянские мятежи прогремели по всей окрестности от Бесрунии до Кальдерии. Начавшись с недовольства жестоким правлением их соседа, Карабийса, восстание перекинулось и на другие замки, семьи которых ничем не заслужили крестьянского гнева, но были приговорены мятежниками к смерти по праву благородного рождения и высокого положения.

В ту ночь Вернер с Геленой лишились всего – главы семьи, немногочисленных родственников, живущих по соседству, замка, статуса, богатства. Во всем Невендааре не осталось никого, к кому бы они могли обратиться за помощью. Беззащитной женщине вдвоем с маленьким ребенком на руках далеко было не уехать, и судьба Гелены с сыном могла бы оказаться еще печальнее, если бы на дороге она не встретила бывшую служанку, Фиби.

Девушка из крестьянской семьи помнила доброту своей госпожи, снабдившей ее хорошим приданым. Благодаря ему Фиби смогла выйти замуж за любимого плотника, а не за неприятного ей сына старосты, за которого ее сватали родители. Узнав о случившемся несчастье, Фиби рассудила, что единственный выход для беглецов – поселиться в деревне под видом крестьян. Она снабдила Гелену и мальчика простой одеждой и помогла приобрести старый дом в соседней деревне.

Драгоценностей, которые были на Гелене, как раз хватило, чтобы выручить денег на покупку дома, небольшой ремонт, необходимую утварь и одежду. Говоря по правде, на драгоценности можно было бы купить всю деревню, но беглецам в их положении выбирать не приходилось, и фамильные бриллианты отдали почти за бесценок.

Главное, что была крыша над головой и деньги на первое время. А то, что у простолюдинки оказались господские драгоценности, ни у кого подозрений не вызвало. Мятежники разворовали сокровищницы замков, и в те дни почти каждая крестьянка могла похвастаться золотым браслетом или колечком с изумрудом.

Деревенским жителям Фиби представила новоселов своей родней. Гелена с ее легкой руки стала бывшей служанкой, которая долгое время работала у господ в Кальдерии. Такая версия объясняла, откуда у молодой женщины хорошее воспитание и полная неприспособленность к сельской жизни. На расспросы об отце мальчика Гелена отвечала, что тот был стражником в доме господ и погиб, сопровождая хозяина в путешествии.

Так они с матерью и зажили. Первое время хватало денег от продажи драгоценностей. Мать постепенно училась вести хозяйство, готовить еду и стирать. Вернер слышал, как тихо плакала она по ночам. Но днем на ее лице всегда была мягкая, виноватая улыбка. Как будто это она была виновата в том, что они лишились кормильца, что сын, рожденный в роскоши, вынужден привыкать к нищете.

Поэтому все прощала ему, поэтому стремилась не нагружать тяжелой работой, взвалив все хозяйственные вопросы на свои хрупкие плечи, а затем и пошла в услужение к более обеспеченным соседям, лишь бы заработать мелкую монетку. От прежней неженки не осталось и следа, мать бралась за любую работу, руки ее грубели с каждым годом, красота потускнела от забот. И теперь она уже ничем не выделяется из числа соседок, которые родились в деревне и прожили здесь всю жизнь.

Вернер, конечно, тоже помогает по мере сил – где дров нарубит, где воды из колодца натаскает, где согласится до другой деревни дойти, чтобы передать послание от соседей их родным. Но что скрывать, занятия магией увлекают его куда больше. Магия для него – единственный шанс выбиться в люди, вернуть утраченное положение и богатство. Босяку-то как еще успеха достичь? Для воина он недостаточно силен, слава великого героя ему не светит.

А вот в магии он уже весьма преуспел и возлагает большие надежды на будущее. И мать его выбор горячо одобряет, лишний раз старается не затруднять его просьбами по хозяйству. Сама мыкается с утра до ночи по деревне, приходит домой без сил, а он все обещаниями ее кормит – вот стану известным волшебником, тогда заживем!

Мать только покорно кивает: конечно, сынок, главное – тебе в люди выбиться, уважаемым магом стать, глядишь, станешь искусным, как твой учитель. Да только сделаться таким, как Гидеон, – слишком мелкая мечта. Вернер желал стать величайшим магом Империи, которому были бы подвластны магии всех рас, чья слава гремела бы по всей стране. А для этого придется сбежать из дому, принести матери огорчения ради того, чтобы порадовать ее в будущем. Кто знает, сколько они теперь не увидятся?

Поддавшись порыву, Вернер крепко обнял мать, легонько сжал ее натруженные мозолистые руки, которые давно забыли, как носить золотые кольца. Ничего, как только он преуспеет, сразу же купит ей лучших драгоценностей взамен тех, каких она лишилась. И платья – еще роскошнее тех, что она когда-то носила. И замок! У них непременно будет свой замок, в котором будут богато обставленные комнаты, и гулкие просторные залы, и длинные освещенные факелами галереи с портретами предков. Он помнит лицо каждого из них и наймет лучших живописцев, чтобы те воссоздали картины.

– Что ты, сынок? – смущенно засмеялась Гелена.

– Ничего. – Он отвел глаза, словно устыдившись своей внезапной нежности. – Ступай.

Когда мать скрылась за калиткой, Вернер торопливо вбежал в дом. Побросал в котомку смену одежды – чистую рубашку да вытертые, искусно залатанные матерью штаны. Достал из печи оставленный к ужину хлеб, отыскал пустую флягу – воды наберет у родника, ему как раз по дороге. Помедлил у стола, затем опустился на карачки, приподнял нужную дощечку, открывая материн тайник. Из подпола тускло сверкнули две медных монетки, и юноша пристыженно вспыхнул румянцем. Не возьмет он у матери последнего, перебьется как-нибудь с хлеба на воду, а там, глядишь, работенка какая подвернется – не протянет ноги с голоду. А вот серебряный медальон с фамильным гербом сам попросился в руки. Вернер, поколебавшись, надел его на шею и спрятал под рубаху. Мама, конечно, расстроится, обнаружив пропажу. Но ему медальон нужнее. Вещица отца придала ему уверенности в своих силах и мужества. Память об отце поможет ему преодолеть все преграды и не даст свернуть с правильного пути.

Затянув полупустую котомку потуже и взвалив поклажу на плечо, молодой маг обвел прощальным взором родной дом и решительно переступил через порог, дав себе клятву: он вернется сюда знаменитым на всю Империю волшебником, или не вернется вообще.

Родная деревня осталась позади, лес встретил его громким щебетом одуревших от зноя птиц. Деревья смыкались высоко над головой, образуя тенистую арку, сквозь которую то

тут, то там проникали солнечные лучи. Зеленые листья трепетали на ветру, густая трава обступала стволы деревьев, образуя сплошной зеленый ковер.

Невозможно было представить, что где-то все иначе. Из рассказов Гидеона Вернер знал, что в предгорьях гномов земля покрыта белым снегом. Он все пытался вообразить, каково это, когда с неба падают хлопья, похожие на утиный пух, а на улице так холодно, что не помогают даже теплые меховые куртки, и есть только одно спасение – согреться у костра или камина. Вернер смахнул со лба бисеринки пота, выступившие от жары и быстрой ходьбы, и усмехнулся. Трудно поверить, что в тот же самый миг в Тимории гномы кутаются в звериные шкуры и греют руки у огня, прячась от снега в своих подземных жилищах.

Есть еще эльфийские леса – не зеленые, как имперские, а желтые, что плавленое золото. Один из редких путешественников, которые попадали в их удаленную деревеньку только сбившись с пути, по имени Кайл рассказывал, как побывал там. По его словам, воздух в Священном лесу всегда прозрачен и свеж, как ранним утром. Деревья белоствольны. Земля, куда ни глянь, усыпана опавшими листьями, которые шуршат под ногами.

А стоит подуть ветру, как начинается золотой дождь – это, срываясь с ветвей, танцуют свой последний танец желтые листья, прежде чем упасть на землю. Чудно! Вернер на ходу сорвал зеленый листок с дерева, чья косматая ветвь нависла над дорогой, и задумчиво повертел его в пальцах.

В привычном с детства лесу тоже опадает листва: выглядывая в густой траве грибы, он не раз находил почерневшие высохшие листья. Но лес всегда оставался вечно зеленым, и кроны деревьев никогда не редели, так как на месте опавших тут же вырастали новые листики. И трудно себе было даже вообразить, каково это, когда золотые листья кружатся в воздухе…

А еще в эльфийских лесах живут волшебные единороги, диковинные кентавры и ожившие деревья – энты. Вернер с подозрением покосился на косматый дуб, свесивший ветви до самой земли, и ловко перепрыгнул через его корявые корни, взрывшие землю у дороги. Придумают же тоже – живое дерево! Вот уж сказки для дурачков! Хотя Кайл и уверял, что сам видел целую рощу энтов, и даже, понизив голос, рассказывал, как за ним гнался хуорн – энт, превращенный в нежить и служащий Мортис, однако Вернер нисколько не поверил в эти россказни.

Дуб зловеще заскрипел, полоснули по ветру узловатые, словно пальцы старика, ветви, и юноша невольно ускорил шаг, торопясь оказаться подальше. Энты энтами, а если тяжелая ветка, обломившись от дряхлости, упадет на голову, мало не покажется.

Вскоре тенистая часть пути, где дремал старый дуб, осталась позади, и дорога вывела на солнечную полянку. Вернер блаженно подставил лицо солнцу, шуганул шуршащего в траве ежа. Пахло травой, нагретой землей и спелой малиной.

Вдоль дороги кусты малины были оборваны – ни одной ягодки не оставили другие путники. Но Вернер точно знал – стоит ступить с тропы, как благодатный лес накормит усталого прохожего сладкой ягодой, кислыми дикими яблоками и сытными орехами. Набив котомку орехами с яблоками и вдоволь налакомившись малиной, Вернер набрал воды у родника и двинулся дальше.

Проторенная дорога, по которой могла проехать крестьянская телега, ровной полосой стелилась между деревьев, и Вернер уверенно шагал вперед, насвистывая себе под нос.

Отправиться в столицу он мечтал уже давно, хотя и не думал, что это случится так скоро. По словам его приятеля, деревенского охотника Дрездена, до ближайшего по дороге на Фергал города, Трамории, было два дня пути пешком. А оттуда большой торговый путь выведет в Фергал. Отважный, ловкий, веселый Дрезден был его лучшим другом, и, сколько Вернер его помнил, тот мечтал уехать в столицу.

В прошлом году приятель осуществил свою мечту, и с тех пор от него не было никаких вестей. Наверняка тот уже стал знаменитым на весь город охотником, может, поставляет дичь самому императору, подумал Вернер и решил, что обязательно разыщет Дрездена и повидается с ним.

В высокой траве, обступившей деревья, прятались яркие шляпки грибов – мама готовит из них вкусный бульон. Как она там? Хватилась его? Заметила его отсутствие? Побывала у Гидеона? Надо торопиться, чтобы его не догнали и не вернули обратно, как нашкодившего мальчишку.

Впереди мелькнул просвет, и Вернер ускорил шаг. Там заканчивался лес, который он знал вдоль и поперек, и начиналась выжженная земля – все, что осталось от некогда процветающей деревни Сольвейр. Мать рассказывала ему, что когда-то деревня была лишь немногим меньше их собственной.

В каждом доме жила большая семья, а поле, доходившее до самой границы леса, было засеяно пшеницей, считавшейся лучшей во всех окрестностях. Еще дед Бейла, прежний мельник, предпочитал закупать зерно именно здесь, в Сольвейре. Но однажды через деревню проходил небольшой отряд Легионов Проклятых. Демоны выжгли всю деревню, не оставив в живых никого.

Вернер, стараясь унять тревогу, ступил на мертвую землю. Его ботинки тут же сделались серыми от пепла, а душу захлестнула смертельная тоска. Земля была покрыта глубокими трещинами, в которых, казалось, застыла запекшаяся кровь. Нигде не было видно ни травинки, ни росточка. Мертвая земля была не способна дать начало новой жизни. Почерневшие остовы домов приковывали к себе взгляд. И Вернер вздрогнул при мысли, что когда-то здесь жили люди, которых не стало за одну ночь. Не стало просто потому, что их деревня оказалась на пути Легионов Проклятых. Может, Гидеон не так уж был не прав, когда разгневался на него? Вот они, свидетельства жестокости демонов, прямо перед ним. Руины, в которых поселилась смерть. Кажется, даже спустя годы воздух остался пропитан горечью и болью.

Где-то еще сохранились черные скелеты домов, но в основном жилища обвалились, превратившись в неровные угольные груды, которые высились то тут, то там. При мысли о том, что непогребенные мертвецы до сих пор лежат под рухнувшей кровлей, Вернеру сделалось совсем жутко. И он, уже не пытаясь совладать с охватившими его тоской и страхом, бегом миновал мертвую деревню.

Дальше перед ним расстилалась неведомая дорога, ведущая к столице, а на горизонте замаячили горы. От непривычно долгой ходьбы уже ломило ноги, но Вернер лишь плотнее перехватил котомку и зашагал дальше. Ничего, ему бы только до Трамории добраться. А там уж он из шкуры выпрыгнет, только бы деньжонок подзаработать, да хоть какого-нибудь коня купить.

На тракте было на удивление малолюдно. Как будто купцы и путешественники, взбудораженные падением звезды, решили отложить поездки. Только имперские воины и отряды инквизиторов по-прежнему продолжали нести службу и мчались по своим делам во весь опор, так что Вернер, завидев на горизонте облако пыли или заслышав топот за спиной, торопился сойти с дороги и переждать, пока всадники проедут. До бедно одетого паренька с полупустой котомкой в руках никому не было дела. А Вернер, отмахавший к закату столько пути, сколько, казалось, за всю жизнь не проходил, и рад был бы напроситься к кому-нибудь в повозку, да гордость не позволяла.

Ботинки растерли ноги в кровь, от палящего зноя одежда пропиталась едким потом, котомка, которая поначалу казалась легче перышка, с каждым часом наливалась тяжестью и теперь казалась набитой камнями. Каждый шаг отдавался мучительной болью и не приближал, а как будто отдалял от Трамории.

Несколько раз Вернер заговаривал с проезжавшими путниками, спрашивая, далеко ли до города, и всякий раз слышал в ответ: к вечеру будем. «Ты-то будешь, а мне еще до завтра плестись», – угрюмо подумал он, глядя в спину очередному всаднику, пришпорившему породистого скакуна, и откусил яблоко. Он еще не успел дожевать, как всадника уже и след простыл. Только пыль вилась в воздухе, забиваясь в ноздри, покрывая плетущегося позади юношу с ног до головы и оседая на волосах. Даже у яблока был пресный вкус дорожной пыли, и Вернер раздраженно отбросил его в кусты, не съев и половины. А в следующую минуту уже пожалел о своем импульсивном поступке. Где-то еще эта Трамория? Когда ему теперь выдастся перекусить? И чем, если в кармане – ни монетки?

К закату народу на дороге становилось все меньше: все торопились добраться до поселений засветло или заночевать на постоялом дворе. Один из них Вернер как раз не так давно миновал, сожалея о том, что у него нет денег, чтобы заплатить за постой. А когда он спросил у хозяина, не нуждается ли тот в услугах мага, тучный, лысый толстяк с оплывшим жиром лицом и мутными глазками презрительно посмотрел на него и расхохотался ему в лицо. Вернер сам не понял, как очутился на крыльце, где его тут же прижала полной грудью к стене уродливая толстуха, оказавшаяся женой хозяина, и пообещала впустить его переночевать на сеновале.

При этом она так омерзительно хохотала и сжала широкой пятерней его ягодицу, что Вернер из последних сил вырвался из ее удушающей хватки и припустил прочь. Даже направление перепутал – помчался в сторону родного дома. И опомнился только при виде поваленного дерева, на котором он отдыхал по пути.

На земле лежали два огрызка от яблок – ошибки и быть не могло. Пришлось возвращаться обратно, кляня толстяка с его женой последними словами за потерянное время, и обходить стороной постоялый двор, не желая еще раз наткнуться на развратную бабу.

За спиной раздался стук копыт, и Вернер уже по привычке отступил к краю дороги, с завистью глядя, как мимо него прогарцевал широкоплечий рыцарь на красивом скакуне. От блестящих доспехов отражалось закатное солнце, и всадник казался окутанным свечением. Движения коня были слаженными и отточенными, что выдавало в нем породу. Когда-то у отца Вернера была целая конюшня таких жеребцов, а теперь у его сына ни гроша за душой. «Вот бы и мне такого коня и такие латы», – тихонько вздохнул юноша и принялся невольно сравнивать рыцаря с собой, отчего приуныл еще больше.

Сравнение было явно не в его пользу. Рыцарь был и взрослее раза в два, и выше ростом, и шире в плечах. А сам Вернер уродился худощавым и нескладным. Разве что красоту от отца унаследовал – в деревне по нему все девчонки сохли. От самых сопливых до засидевшихся в старых девах. Только Вернеру ни до кого из них дела не было, даже до ясноглазой улыбчивой Леты, по которой тайно страдал толстяк Бейл. У Вернера была одна возлюбленная – магия, и изменять ей с глупыми девчонками он не собирался.

– Эй, парень! – Рыцарь попридержал коня, развернулся и теперь разглядывал его со смесью любопытства и снисходительности. – Куда путь держишь?

– А тебе-то что? – огрызнулся Вернер, покосившись на пристегнутый к седлу дорогой меч с рукоятью, украшенной золотом. Прежде у проезжающих всадников он видел только простые пехотные мечи, а этот явно мечта многих воинов. – Ехал бы ты своей дорогой, господин.

– Сердитый какой! – Рыцарь улыбнулся, и в его добродушно прищуренных глазах заплясали смешинки.

Вернер вспыхнул: эта груда железа еще насмехаться над ним будет! Эх, жаль, у него нет в запасе никакого заклинания, чтобы сбросить этого задаваку с коня, чтобы он всласть наелся дорожной пыли. Вот тогда уже он бы над ним посмеялся!

– В Траморию направляешься? – не отставал назойливый рыцарь.

– Ну, в Траморию, – ощетинился Вернер. – А ты кто, инквизитор, чтобы меня допрашивать?

– Смешной ты. – По-отечески добродушная усмешка рыцаря напомнила Вернеру Гидеона.

Точно с таким видом учитель, бывало, подшучивал над ним или указывал на ошибки.

Позади раздались стук копыт, скрип повозки, и рыцарь кому-то махнул рукой. Вернер обернулся и увидел приближающийся отряд. Впереди ехали два воина, за ними плавно, словно не касаясь колесами ухабистой земли, плыла карета, запряженная четверкой лошадей, на которую Вернер уставился со смесью любопытства и зависти. Давным-давно у его семьи была такая же, но с тех пор он не видел карет. В их глушь богачи, которые могут позволить себе такие удобства, не заезжают – что они забыли в их лесах да болотах? Вот стану знаменитым волшебником – вернусь домой на такой же карете, загадал Вернер. И пусть все соседи ахнут! Правил каретой молодой воин, его ровесник.

За каретой следовала подпрыгивающая на всех кочках повозка, которую тащили две лошади. В колымаге сидели усталый бородатый мужчина и закутанная в плащ невзрачная девчонка с длинным носом, с любопытством вытаращившаяся на него. Кто бы мог подумать – маг с послушницей, смекнул Вернер.

Позади ехали еще трое воинов. Вернер только сейчас заметил, что охрана вооружена до зубов. Как будто везут самого императора! А чем Бетрезен не шутит? Тогда неудивительно, что рыцарь, который ехал впереди и осматривал путь, так заинтересовался его чумазой персоной, заподозрив в нем злоумышленника.

Карета приблизилась к Вернеру. Кучер горделиво подбоченился, взглянул на него сверху вниз. Тонкая занавеска, защищавшая знатного путника от ветра и пыли, затрепетала, собираясь в складки. Сначала Вернер увидел изящную белую руку с тонкими длинными пальцами, унизанными золотыми кольцами с крупными камнями, и с массивным браслетом, слишком большим для узкого запястья.

Потом занавеска отодвинулась, и перед Вернером пронесся золотисто-коричневый вихрь. Золотые, как листва в эльфийском лесу, волосы, синие глаза, драгоценными камнями сверкающие на лилейно-белой коже, не знающей палящего зноя. Вернеру вдруг сделалось невыносимо стыдно за свою взлохмаченную прическу, за старенькую, пропотевшую одежду и даже за желтые от пыли башмаки, которых незнакомка и видеть-то не могла.

Карета промелькнула, увозя с собой путешественницу, и Вернер невольно подался вперед, завороженный волшебным видением. За что тут же поплатился: ехавшая следом колымага отдавила ему и без того израненную ногу. Вернер не сдержал мучительного стона и, не устояв на ногах, повалился в пыльные кусты сбоку от дороги.

– Парень, ты в порядке? – Рыцарь успел спрыгнуть с коня и протягивал ему широкую ладонь в перчатке, другой удерживая под уздцы скакуна.

Вернер помощь проигнорировал, зло сверкнул глазами и поднялся, едва наступая на поврежденную ногу. «Допрыгался, – уныло думал он. – Теперь до ночи до города точно не доковыляю». Придется на своей шкуре проверять, правда ли, что с наступлением темноты по дорогам Империи шастают зеленокожие и нежить, норовя закусить припозднившимся путником. И недолго ждать осталось: солнце уже повисло над верхушками высившихся впереди гор. Еще немного – и скроется за пиками.

Карета продолжала удаляться, а колымага со страшным скрипом притормозила, и сидящие в ней мужчина с девчонкой с сочувствием уставились на него. Ох, Вернер стиснул зубы, вот только не надо смотреть на него как на шелудивого пса, который случайно встретился по пути. И приласкать противно, и прогонять жалко.

– Больно? – пропищала девчонка и свесилась за бортик повозки. – Покажи!

– Еще чего, – возмущенно прошипел Вернер. – Катитесь, куда ехали.

– Мы в Левенделл едем. А Трамория нам по пути, – подал голос бородач и подвинулся, освобождая место с краю.

Вернер с недоверием взглянул на него, потом на рыцаря, все еще стоявшего рядом.

– Садись, садись, – кивнул рыцарь, снимая шлем, и Вернер наконец смог разглядеть его.

Лицо предводителя было волевым и располагающим к себе, золоченная загаром кожа обветрилась и загрубела в частых походах, но светло-карие глаза глядели ясно и приветливо, говоря о добром сердце воина. Каштановые волосы были подстрижены коротко, на висках серебрилась седина, как у древних старцев, хотя на вид воину было около сорока.

– До города пешком путь неблизкий, а с нами уже к ночи будешь там.

Предложение было слишком заманчивым, чтобы гордо его проигнорировать. А отзывавшаяся болью нога решила дело. Уж лучше с ветерком и под защитой вооруженного отряда доехать до города, чем ковылять впотьмах одному.

Девчонка, назвавшаяся Адонией, и впрямь оказалась искусной целительницей. Поддавшись ее настойчивым уговорам, Вернер позволил ей осмотреть поврежденную ногу и поводить над ней тонюсенькими ручонками. Уже через мгновение его скепсис сменился уважением – боль уходила, наполняя мышцы приятной прохладой и снимая усталость. Пока Адония продолжала свои манипуляции, Вернер завел разговор с магом, назвавшимся Огастесом. Осторожно расспросив его, юноша быстро выяснил, что тот менее искусен, чем его бывший учитель Гидеон, и потерял к нему всяческий интерес.

От болтовни Адонии вскоре загудела голова. Зато Вернер узнал все обо всех. Важного рыцаря во главе отряда звали Хартвиг, знатную девушку в карете – Ивонна. Отец ее был первый богач в Левенделле, туда-то и направлялся отряд. А возвращалась Ивонна из Меласема – там жила ее тетка. В Трамории путешественники собирались остановиться на ночлег и поменять лошадей, а оттуда – держать путь до Фергала.

Вот бы напроситься с ними в столицу, размечтался Вернер, тогда уж по дороге точно никто не привяжется. Но об этом не могло быть и речи: ему и так сильно повезло, что путешественники согласились подбросить его до ближайшего города. Там их пути разойдутся.

Золотоволосая Ивонна со своим отрядом с ветерком и без приключений доедет до Фергала, а путь Вернера растянется вдвое, а то и больше. Пока он найдет в Трамории работу, чтобы разжиться деньгами на лошадь, или сговорится о том, чтобы купцы, направляющиеся в столицу, согласились взять его в свой обоз, отряд Хартвига будет уже в Фергале.

– Прости, что ты сказала? – перебил он болтавшую без умолку Адонию.

– Свадьба совсем слажена, уже обо всем договорились, – возбужденно затрещала та. – А господин Дамарис – такой славный молодой мужчина, племянник важного инквизитора, вот повезло-то госпоже Ивонне.

Вернер поморщился: в голове у него стоял гул, напоминавший гудение пчелиного роя. Почему-то вполне естественная мысль о том, что у знатной и недосягаемой Ивонны есть жених, показалась ему неприятной.

– Примолкни, трещотка! – осадил болтушку Огастес.

Адония обиженно отвернулась, а Вернер с благодарностью взглянул на мага. Тот вовремя вмешался. Слушать речи о выдающихся достоинствах «господина Дамариса» Вернеру сейчас хотелось меньше всего на свете.

Глава 4
Испытание

Сгустившиеся сумерки озаряло лишь пламя факелов, которые везли всадники. Вопреки заверениям Хартвига, что вот-вот покажется город, впереди не было видно ни огонька. Дорога была пуста: другие путники остались на ночлег в придорожных тавернах.

Но Хартвиг не терял надежды заночевать в городе. Монотонное движение повозки убаюкивало, и, обессиленный от первого дня пути, Вернер задремал.

Разбудил его оглушительный визг Адонии над самым ухом. А потом кто-то схватил его за плечо и сбросил на землю. Жестокое падение развеяло остатки сна, и Вернер огляделся. На них напали! Зеленокожие, о которых он раньше только слышал по рассказам Гидеона, окружили их, перегородив дорогу и оттесняя к лесу, казавшемуся огромной черной дырой, ведущей в саму Преисподнюю.

Мечники, выставив щиты и обнажив оружие, обступили повозку с каретой и готовились отразить нападение приближающихся орков и троллей. Лучник, взобравшись на повозку, торопливо пускал стрелы. Вернер во все глаза уставился на костяной лук. Прежде он видел только простой имперский лук у своего приятеля Дрездена. От Дрездена же слышал и о более мощных боевых луках – с костяными вкраплениями. В бою, рассказывал охотник, они хороши тем, что позволяют пускать стрелы чаще. И владеют ими не простые стрелки, а уже искусные бойцы. Вернер с уважением покосился на лучника, едва успевавшего накладывать стрелы на тетиву. Затем обернулся на зеленокожих, и его сердце упало. Нападавших тварей это не останавливало, только злило – их было больше, и исход схватки был заранее предрешен. Понимал это и опытный лучник, поэтому руки его, натягивая тетиву, мелко дрожали.

Рядом с Вернером у повозки стоял Огастес, стиснувший посох и готовый защитить отряд от первой атаки. В воздухе пахло грозой, и, несмотря на испуганное ржание лошадей, воинственные крики орков и взволнованные переговоры между воинами, Вернер расслышал характерный треск, который издавали нервно сжатые пальцы мага.

Прозрачный камень, венчающий посох, зажегся всполохами голубого света и собирал магию из воздуха. Огастес готовился применить любимое заклинание Гидеона – молнию. Да разве молния остановит почти сотню разъяренных орков и гоблинов, почуявших легкую наживу? Одно только драгоценное колечко с руки Ивонны – знатный улов! А сколько еще ценностей в сундуках, которые она везет с собой?

Зеленокожие этого пока не знали, но богатая карета с охраной не могла не привлечь их внимания. Кстати, самой богатейки что-то не видно. Сидит в своей карете и носу не высовывает. А двое мечников подпирают карету спиной, готовые защищать госпожу до последнего вздоха.

– Далеко до Трамории? – Вернер обернулся к сжавшейся в комок Адонии, которая сидела на земле, прислонясь спиной к колесу повозки и вцепившись в Посох Верующего.

Ему пришлось дважды повторить вопрос и хорошенько встряхнуть девушку, прежде чем она его услышала.

– Не знаю, – испуганно пропищала она, глядя на него снизу вверх.

– Как это не знаю? – рявкнул Вернер. – Мы давно должны были приехать. Значит, город совсем близко.

И тут же осекся, поняв, что крупный отряд зеленокожих не стал бы нападать вблизи крупного города.

– Мы сбились с пути, – с нарастающей паникой прошептала Адония и от волнения выронила посох под ноги Вернеру. – Хартвиг остановил отряд, и они решали, куда ехать, когда появились эти…

Значит, помощи ждать неоткуда, помрачнел Вернер. Глядя на его изменившееся лицо, девчонка просто затряслась от страха и тоненько взвизгнула:

– Что же теперь будет-то? Мы все умрем!

– Первый раз, что ли? – прикрикнул на нее Вернер.

– Умирать? – Адония, подобрав с земли посох, непонимающе округлила глаза.

– Первый раз в передрягу попадаешь?

Девчонка быстро закивала, и по ее некрасивому лицу вдруг покатились крупные слезы. Вернер, не выносивший женского плача, опустил глаза, разглядывая посох послушницы. Он казался чересчур громоздким для слабой руки Адонии, а металлический набалдашник в виде креста сверкал новизной.

Девчонка неумело сжимала его в кулачке, выдавая собственную неопытность. Наверняка посохом она обзавелась только на днях и еще ни разу не успела применить его по назначению. Толку от нее…

– Я из монастыря еду, отучилась только, – глотая слезы, всхлипывала она. – Думала, золота подзаработаю, родители порадуются, когда к ним вернусь. Ду-ура! – истерически провыла она. – Теперь я их вообще не уви-и-жу!

– Заткнись! – строго сказал Вернер и тряхнул ее как яблоню.

Адония шумно всхлипнула, уставилась на него во все глаза и спросила:

– А тебе уже не впервой?

Вернер в смятении отвел взгляд – не признаваться же этой нервной, что он орков впервые в лицо видит и прежде самой крупной битвой в его жизни была потасовка с Нордом!

– Уже и счет потерял, – соврал он. И добавил ободряюще, сжав дрожащую девчонку за локоть: – Все будет хорошо!

От взгляда послушницы, которая смотрела на него, как на ангела-спасителя, Вернеру стало не по себе.

– Сможешь мне помочь? – Огастес положил руку ему на плечо.

Глаза мага были усталыми и обреченными.

– Одному мне не справиться, – одними губами прошептал он, опасаясь еще больше напугать Адонию.

– Конечно, – мгновенно отозвался Вернер, торопливо отвернулся от умоляющего взгляда послушницы и стал плечом к плечу с магом.

Зеленокожие уже были совсем близко. В дрожащем свете факелов они казались созданиями, рожденными в Преисподней. Вернер смог разглядеть их уродливые, похожие на звериные морды с выпирающей нижней челюстью и искривленными клыками. Невозможно представить, что раньше орки и гоблины были людьми, но потом, то ли из-за чудовищной болезни, то ли по вине сумасшедшего колдуна, превратились в чудовищ. Вернер с содроганием смотрел на них – и не находил в них ничего человеческого.

Перед ним были хищники, звери. В маленьких глазах полыхали злоба и стремление убивать, кулаки с длинными когтями ожесточенно сжимали ятаганы и мечи, готовясь пустить их в ход при первой же возможности. С такими не договоришься, они пришли убивать.

Хартвиг с двумя воинами, которые прикрывали его сзади, выехал вперед, чтобы принять на себя первую атаку. Огастес побледнел от напряжения, собираясь с силами.

– Что ты умеешь? – спросил он, почти не разжимая губ.

– Что? – Вернер сделал вид, что не расслышал.

– Что ты умеешь? – нетерпеливо повторил маг. – Сможешь поставить защиту? Или увеличить силу отряда? Или разить орков молниями?

– Молнии, – ухватился за эти слова Вернер.

– Хорошо, – выдохнул Огастес. – Это будет значительной подмогой нашим воинам, а я тогда сосредоточу силы на их ускорении. Это единственное, что нас может сейчас спасти. Орки сильны, но неуклюжи, – озабоченно пояснил он. – Если у наших будет преимущество в скорости, появится шанс выбраться отсюда.

Топор, просвистевший в воздухе, вонзился в бок повозки у ног лучника, послужив началом к атаке. Зеленокожие с боевым воплем бросились вперед, над головой зажужжали стрелы, посылаемые лучником, а Огастес торопливо зашевелил губами и воздел посох, метнув в неприятеля сеть молний. Искрящаяся, похожая на паутину сетка проплыла над головами мечников, обогнула Хартвига и обрушилась на головы орков, сбив их с ног. «А бородач не так уж слаб», – с уважением подумал Вернер. Гидеон никогда не показывал им подобные фокусы – не умел или не хотел? «Надо будет попросить его после боя, чтобы и меня научил», – решил Вернер, выбрасывая руку вперед и наугад швыряя молнию.

За спинами воинов ничего не было видно, над головой жужжали стрелы, которые только успевал посылать лучник, и Вернер, чтобы улучшить свою позицию, вскочил на повозку рядом с ним. Положение было удручающим: орки наступали со всех сторон, от огней факелов зарябило в глазах. Один, два, три, десять, двадцать – принялся считать Вернер и сбился со счету.

А их самих всего одиннадцать – семь воинов вместе с Хартвигом, два мага, считая его самого, послушница, которая трясется от страха, и госпожа, богатый экипаж которой и навлек беду на их голову. Судя по тому, что из кареты не доносится ни звука, неженка наверняка лежит в глубоком обмороке.

– Вот бы подобраться к магическому кругу, – пробормотал Огастес.

– Что? – не понял Вернер.

– Круг магической атаки, я его чувствую. – Огастес кивнул в сторону, где все кишмя кишело орками. – Там сейчас зеленокожие.

Вернер угрюмо проследил за его взглядом. Разве туда сейчас попадешь?

Хартвиг, выехав вперед, принял на себя первый удар и ожесточенно рубил неприятеля направо и налево. Меч, который привлек внимание Вернера еще при знакомстве, был грозным оружием в опытных руках и нещадно разил врага. Но надолго ли его хватит? Вернер метнул молнии в двух гоблинов, атаковавших воина, и с этой помощью Хартвиг легко уложил их. Но на смену им тут же пришли еще шестеро. Мечники, защищавшие Ивонну, выступили вперед, не подпуская зеленокожих к карете. Судя по скорости их движений, заклинание Огастесу удалось.

Оскаленные зеленокожие морды мелькали уже в нескольких шагах, Огастес торопливо воздел вспыхнувший голубым сиянием посох – и стрелы, пускаемые лучником, полетели вдвое быстрее, а мечники замахали мечами так, что стальные лезвия стали похожи на серебристые молнии. Ускорение, понял Вернер. Что ж, маг разумно распорядился своими силами. Однако заклинания его порядком ослабили: мужчина побледнел, едва держался на ногах и надолго его не хватит.

Внезапно Хартвиг стал отступать, резко уведя коня в сторону.

– Куда? – простонал Вернер. Вот тебе и бесстрашный воин, вот и глава отряда! Он что, их бросить собрался?!

За Хартвигом, обрадованные его отступлением, бросилось около десятка зеленокожих. И уже через мгновение, когда воин одним размашистым движением меча обезглавил половину из них, Вернер понял его маневр. Хартвиг заметил круг силы и занял место в его центре, увеличив мощность своего удара вдвое.

Зеленокожие разделились – часть обступила Хартвига, оставшиеся продолжили наступать на мечников. Вернер, высматривая наиболее сильных неприятелей, стрелял по ним молниями. Убивать не убивал, но ослаблял изрядно. Так что «подстреленные» молнией зеленокожие падали от одного удара мечников. Адония, сосредоточенно вцепившись в посох, выглядывала раненых защитников и торопилась их исцелить.

Но возможности юной послушницы были не безграничны – один из мечников вскоре упал, сраженный ударом гоблина, его товарищ едва держался на ногах. Силы всего отряда были на исходе, да и Хартвигу приходилось нелегко – зеленокожие оттеснили его от круга силы, и теперь превосходство было целиком на стороне противника.

Преимущество в скорости, выручившее отряд при первых атаках, уже не спасало, когда зеленокожие навалились всей толпой. Они были неутомимы и неустрашаемы. Когда замертво падали их товарищи, орки и тролли равнодушно переступали трупы и устремлялись вперед.

– Их не остановишь, не остановишь, – с нарастающей паникой в голосе пробормотал Огастес.

Второй мечник упал, и брешь, пробитая в обороне отряда, позволила зеленокожим прорваться внутрь. Огромный гоблин, сметая мечников, устремился к карете. Топор, брошенный орком, сразил лучника. Вернер подхватил под мышки верещавшую Адонию и втащил ее на повозку.

Затем принялся палить молниями по наступающим оркам, понимая, что надолго это их все равно не задержит. «Как бы им сейчас пригодились заклинания из книги демонов», – в отчаянии подумал Вернер. Жаль, что он не успел переписать те заклятия, которые парализуют противника на день или обрушивают на головы неприятеля огненный дождь! В голове крутилось заклинание из демонической книги, назначения которого он не помнил, и Вернер не решался его применить, полагаясь на знания Огастеса. Вот бы маг вспомнил о какомнибудь мощном заклинании, которое мгновенно поразит противника. Или хотя бы повергнет орков в бегство и даст их изрядно поредевшему отряду возможность скрыться.

Но этим надеждам не суждено было сбыться: огромный гоблин смел мага с пути. Осиротевший посох выпал из мертвой руки, разбился вдребезги прозрачный камень на набалдашнике. Вернер отвернулся, закрывая собой Адонию. Теперь у них нет мага. А без поддержки магией мечников перебьют одного за другим. Это лишь вопрос времени. Исход битвы уже предрешен.

– Помоги ему, – встряхнул он послушницу и указал на израненного мечника.

Парня уже не спасти, как и всех их, но уж лучше пусть девчонка отвлечется и попытается исцелить его, чем, дрожа от страха, будет ждать приближения смерти.

Ждать помощи неоткуда, и заклинание демонов оставалось последним шансом на спасение. В голове зазвучал грозный голос Гидеона, предостерегающий от применения магии Легионов Проклятых, но Вернер пренебрег запретами учителя и забормотал слова заклинания, результата которого не помнил. Что бы это ни было, оно спасет ему жизнь и уничтожит противников.

Последнее слово сорвалось с губ, но ничего не произошло. По-прежнему продолжали наступать орки, по-прежнему воины Хартвига терпели поражение. Наверное, он напутал слова заклинания или его человеческих сил недостаточно, чтобы оживить магию демонов.

Гадать о причинах неудачи было некогда, надо было защищаться любыми доступными средствами. Молнии оказались слишком слабым орудием против полчища орков, и Вернер оглянулся в поисках чего-нибудь посущественнее. Если его магия бессильна, он будет биться наравне с обычными воинами. Костяной лук, выпавший из рук стрелка, в ближнем бою был бесполезен. Из других вариантов выбирать особо не приходилось. Вернер наклонился к убитому лучнику и, превозмогая тошноту, вытащил из его груди топор с изогнутым лезвием.

Морду первого зеленокожего, которого он убил, Вернер запомнил. Кажется, это был тролль – отвратительный лысый уродец с мутными глазами и злым оскалом. Топор разрубил череп на две части, а Вернер с дрожью отметил, что убить зеленокожего не сложнее, чем расколоть чурбан. Уж что-что, а колоть дрова он в деревне наловчился. От сознания содеянного Вернера окатило жаром, словно огонь пробежал под кожей ног от ступней до колен, а потом будто сотни комариных жал впились в кожу. Внезапно сделались тесны башмаки, судорогой свело ногу, и Вернер мучительно застонал.

– Тебя задели? – Адония, заметив его состояние, предлагала помощь.

Вернеру сделалось стыдно: девчонка и та взяла себя в руки, а он вдруг раскис. И юноша уверенно стиснул древко топора и с силой разрубил воздух перед головой высунувшегося орка.

Он успел ранить еще двоих, прежде чем кривое лезвие клинка вонзилось ему под ребро. От захлестнувшей его острой боли Вернер упал с повозки. Тело Огастеса смягчило падение. Ничего, Адония его сейчас подлечит, и тогда он снова…

Но послушница не успела. Огромный гоблин рывком схватил ее за плечо и швырнул о землю. Ее шея неестественно изогнулась, посох выпал из руки. Это конец, понял Вернер, сползая с тела погибшего мага и не в силах отвести взгляда от мертвой послушницы. Адония смотрела на него остекленевшими глазами, словно укоряя за то, что он ее обманул. Обещал, что они выживут, и предал. Из уголка ее губ стекала струйка крови. А ведь она еще младше меня, вдруг подумал Вернер. Совсем девчонка. Наверное, и не целовалась никогда. Его взгляд упал на сломанный Посох Верующего. Да о чем он вообще думает! Она же послушница. Послушница, так и не ставшая монахиней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.